

Валерий Лобков

Воительница Ольга

книга первая

Валерий Лобков

Воительница Ольга. Книга первая

«Издательские решения»

Лобков В.

Воительница Ольга. Книга первая / В. Лобков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900981-4

Время — четвертый век от Р. Х. Место — где-то на территории современной России. Дозорный отряд случайно находит на лугу маленькую нагую девочку. Сам факт её появления — тайна за семью печатями. Необыкновенные способности превращают её в Великую Воительницу. Верность к приютившему её отечеству, битвы, нерушимая воинская дружба, любовь, предательство и многое другое — в этой книге.

ISBN 978-5-44-900981-4

© Лобков В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	7
1	7
2	9
3	12
4	14
5	18
6	21
7	24
8	26
9	33
10	38
11	43
12	47
13	53
14	58
15	63
16	67
17	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Воительница Ольга

Книга первая

Валерий Лобков

© Валерий Лобков, 2017

ISBN 978-5-4490-0981-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Она очнулась от влажного холода. Веки были тяжелыми-тяжелыми, будто шляпки маслят набухшие после осеннего дождя. С трудом приоткрыв один глаз, она ничего, кроме зелёных полос не увидела. Не сумев пробиться через помеху, он снова закрылся.

Медленно, словно после долгого сна, в голове родилась короткая мысль, требующая подробного ответа. Где я? Что со мной? Но, не успев закрепиться в сознании, она куда-то улетучилась. Её место заняла тупая, тяжелая, боль в затылке. Откуда она взялась и какова её природа, знать хотелось не меньше.

Веки, живущие как бы самостоятельно, предприняли новую попытку взглянуть на белый свет, но опять безуспешно. Что – то им мешало и вместо привычной картины мира, представляла непонятную, ту же самую зелень для зрительного восприятия. Она сделала попытку повернуть голову в другую сторону, но боль оказалась проворнее. Ударила в затылок с такой силой, что сознание вновь стыдливо спряталось за пелену мрака.

Сколько прошло времени, когда она снова приподняла шляпки маслят, разум не определил. Но, на всякий случай, тут же напомнил вопрос, оставшийся без ответа в предыдущей попытке осознания мира. Где я? Что со мной? Ответа не находилось. Оказавшись без контроля со стороны сознания, память, в момент обленившись, отказывалась работать.

Зато тело заголосило в полный голос, не согласное с нестерпимым, пронизывающим до самых костей холодом. Зрение не возвращалось, хотя, кроме зеленых полос, перед глазами появились какие-то желто-розовые тени. Они, то наплывали на зелень, то убегали в сторону. Как будто кто-то посторонний размахивал перед лицом куском цветной материи. Во рту явственно чувствовался вкус мокрой земли или, что вероятнее, ила. С опозданием, наконец, пробудился слух и сразу послышался плеск воды, шелест камыша, птичий щебет и монотонный комариный зуд.

Медленно, с огромным трудом, подвигала сначала руками, потом ногами. Радостно отметила, что конечности, хоть и с задержкой, но команды выполняют. И тут же, как молнией пронзило: я ведь по грудь лежу в воде! Десницей (десница – правая рука) провела по лицу и стащила с него приличный пук водорослей. И сразу узрела голубое, безоблачное, толи утреннее, толи закатное небо. Осмотрелась: вокруг высокий, жирно-зеленый камыш. Она, почти по шею, лежит в прозрачной, прохладной воде. Голова покоилась на мшистой кочке-отмели. До песчаного, поросшего невысокой ракушкой берега, локтей (локоть – 35,6см) пятнадцать-двадцать.

Неспешно, чтобы не колыхнуть таившуюся в затылке боль, встала на ноги и побрела к берегу. Благо воды – чуть выше колена. До овальной, песчаной проплешины – почти рядом, всего несколько шагов. Холодный, береговой песок принял мало послушное, окоченевшее тело.

Солнце стояло низкое и через ракушник на песок не пробивалось. Значит ещё утро, решила она. Будь это вечер, песок бы за день прогрелся, и остыть не успел. Ум, без всякой команды, привычно сориентировался по сторонам света. На душе потеплело. Первый шаг сделан. Мозг проснулся!

Голова кружилась, волнами накатывалась тошнота. Попытка сесть, вызвала мощный приступ рвоты. Вернее не самой рвоты, а её позывов. Желудок был пуст, и изо рта текла горькая, жиденькая слюна. Когда спазмы улеглись, вымыла лицо и сделала несколько глотков стоялой воды. Стало немного легче. Тело трясло мелкой дрожью и просило живительного, солнечного тепла. Сидя, с трудом сохраняя равновесие, стащила с себя всю мокрую одежду. Не обращая внимания на полную наготу и мгновенно облепивших голое тело комаров, поползла к маленькому пяточку песка, куда через прореху в кустах, заглядывало солнце. Взгляд упал на шуйцу (шуйца – левая рука). На безымянном персте (перст – палец) одет массивный серебряный перстень с тремя черными, сверкающими камнями. В голове что – то шелкнуло, и память выбросила из своих закровов сотни имен, тысячи событий и огромную кучу крупных и мелких подробностей. Сознание помутилось от такого обилия узнаваний прошлой жизни. Застучало в висках и потемнело в очах.

Но это уже было не очень важно. Организм запел песнь жизни: – Я ЖИВА! Я ЖИВУ!

Часть 1

1

Вставать не хотелось. Под легкой холщевой накидкой было уютно. Лежанка находилась под открытым навесом, но комариные стаи не беспокоили:

– Если есть важные известия, то Симак, обязательно доложит: – Сквозь легкую полудрему подумал старшина.

Вот уже всю весну и начало лета ходил Симак во главе дозорного отряда правой руки. Его задача сменить караулы вдоль берега реки – кормилицы Ратыни, вверх по течению. На два поприща (поприще – 21,2км) от городища, где обитал народ племени Береговых Ласточек.

В каждом секрете – двое дозорных. Секретов на всем пути – полтора десятка. Ставили их, на две версты (верста – 1,06км) друг от друга и оставляли для наблюдения на одну седмицу (неделю). Дружинников в дозор назначали не самых быстрых и обученных, а верных слову, терпимых и семейных. Такие гридни (гридни – воины княжеской дружины) острее чувствовали ответственность за охрану рубежей. И не расслаблялись без надзора десятников.

Через седмицу – замена. На крайнем секрете от городища, встречались под вечер с дозором породненного народа Бобровников из племени Речных Бобров. Они, двигаясь навстречу, меняли свои посты. Гриден из княжеской дружины в их землях не было. Военскую службу в караулах, у них несли подготовленные вои. Так назывались ополченцы из рода.

Свидание, всегда проходило одинаково. Слали скатерти, выставляли заранее привезенную с собой снедь. Пили хмельной мед, ячменное пиво и до полуночи делились новинами. Поутру прощались и разъезжались. Бобры – вверх по течению, в своё поселение под названием Бурта. Ласточки назад, в родную Игрицу. Через седмицу все повторялось снова.

Одновременно с Симаком, вниз по течению, под рукой сотника Вяхирия, отправлялся дозорный отряд левой руки. Для смены того же числа секретов и встречи с другим породнённым народом – Армяками. У них службу тоже несли вои – ополченцы из их рода. Возвращались в Игрецу оба отряда в одно время, с разницей в половину ночи.

Сегодня, дозорщики Вяхирия расседлали коней ещё перед закатом. Поделились новинами, раздали гостинцы от Армяков и разошлись на отдых. Кто к семьям, кто в пристройку, на полати.

Сотник Вяхирь, на отчете перед старшиной Михеем, поведал о тревоге Армяков. Тревоги необычной, а поэтому серьезной. Все, как один секретов по их берегу глаголют, что в прошлую седмицу, в третий день, перед рассветом, при ясном небе им явился Перун (Перун – бог громовержец). Громом без туч и ветра. Раскаты шли вроде со стороны земель Ласточек, а может и дальше, от Бобровников. И без молний и всполохов. Гром был какой-то странный, не такой как всегда. Как не Перунов. Но земля стонала. Это отмечали все вои.

– А что вещают наши гриди? – Михею стало интересно. Вяхирь наклонил голову:

– Ничего не слышали, не видели. Говорят, тем утром, не уютно, на душе у всех было. Земля вроде бы стонала в голос. Брови Михея поползли на лоб:

– Как так возможно? У них дюжина секретов слышала! А наши что, спали все? Или мяжиной уши затыкали? – Вяхирь тяжело задышал:

– Не возможно! Никогда такого не было! Я своим всем верю. Тем более, что был час волка, а в это время глядят в три глаза! Понимают, что не только себя хранят. Берегут стариков, жен, детей малых. Не возможно! – Пальцы нервно вцепились в кожу боевого пояса.

– Всю обратную дорогу думал, но дума пустая. Надо ждать Симака с караулом. Что они поведают. В чудо, я давно не верю.

Вяхирю зимой пришел тридцать третий год, жизнь выдалась у него, не легкая. Не один раз был в сечи, шрамов на теле – больше чем родинок. В двадцать три, попал в полон к секуртам (секурты – степной кочевой народ). Через год бежал. Полгода добирался до родных становищ, а дома его никто не признал. Лишь родная мать, по родимому пятну под коленом, смогла убедить соплеменников, что старик, напоминающий мертвеца – это её сын.

Всю осень и половину весны лекарили* его мудрые старухи. Отпаивали настоями и отварами, да и ел он сам в большую охотку. И встал, и окреп, и оттаял Вяхирь к лету. Вернулся в дружину, в воинском искусстве никому не уступая.

Михей очень любил и уважал, ныне статного, чернобородого, отчаянно смелого, мужа и отца троих отроков, – сотенного. Тем более, что женат Вяхирь был на его дочери, Агате. Но это не мешало старшему дружиннику спрашивать с родственника подчас строже, чем с других гридей:

– Добро, подождем Симака, авось, не долго, скучать. Но загадку ты мне принес диковинную. Почему, Перун Армякам явился, а от нас утаился? Что наше правое крыло и секреты Бобровников видали, слышали? И у нас в Игрице, почему никто про грозу не сказывал? – Вяхирь в ответ только пожал в ответ плечами.

– Иди, отдыхай. Поклон матери, Агате и отрокам передай! Скажи, что на седмице, на вечеру загляну.

2

Михей отбросил покрывало, сел, нашаривая возле лежанки сапоги. Кто-то шумно пил из ковша воду в деревянной загородке.

– Не иначе Симак. Кроме него, некому меня будить. Значить ему есть, что сказать, на ночь глядя, прикинул он. И точно: под навес протиснулся второй сотник. Симак принес с собой запах лошадиного пота, пыли и свежих огурцов. Видать перекусил на скорую.

– Здрав будь, старшина!

– И тебе не хворать! Как дозор, как дружинники?

– Спокойно все в секретах. На реке тихо, чужой берег безлюдный, чистый. Гриди и лошади здоровы. И у Бобровников спокойно. На Купалу к нам будут. Тебе и посаднику поклон передавали за приглашение. – Симак, как всегда, начал доклад не важных новин:

Три дня назад старая Нилина представилась, ведунья бобровнинская. До девяноста мало не добрав! У сотника Смира внучка родилась, Липой нарекли. Пожар был в Бурте: три семьи в погорельцах, всем миром будут заново отстраиваться. Вот и все от них новины!

Лица Симака под навесом видно не было, хотя ночь была лунная. А вот глаза, иногда посверкивали:

– Значит добро на рубежье. И это любо! Жаль Нилину, её сын, Симага, меня три года умумазу наставлял, когда я в дружину князя пришел. – Кряхтя, Михей надевал второй сапог.

– Ты вот, что мне растолкуй! Весточку мне Вяхирь привез необъяснимую. Армяки гром Перунов на третий день седмицы слышали перед утром, да какой-то не правильный, без огня и облаков. А наши, вяхиревские секреты – ни сном ни духом! Может твои дозорные, или Бобровницкие, с тобой какими видениями поделились? Вижу, что искришь очами, знать есть, что еще поведать?

Молодой еще Симак, двадцать пять только исполнилось. Кровь так и кипит, играет. Хочется ему уважаемого старшину Михея удивить. Не сразу все новины выкладывает. Но слишком опытный, да мудрый его наставник. Даже во тьме разглядел озорные глаза и догадался, что не все доложил ему сотник. – Прав ты как всегда старшина: если бы не эта новость, не стал будить тебя ночью.

Странность и у нас, одна приключилась! В тот день, о котором тебе Вяхирь поведал. Ты уж меня не торопи, слушать долго придется. Все равно скоро светать станет, не заснешь более. Разреши я сяду, а то от седла ноги к ровной земле еще не привыкли. – Симак подвинул тяжеленную скамью и сел напротив наставника. Теперь, наметанные в ночных дозорах, очи Михея различали молодого сотника.

– Я тебе донесу общий доклад от всех наших сторожей. – Погодя начал молодой дружинник:

– От первого до последнего секрета одинаково кажут. Да и бобровницкие в один голос об том же ведают. Сотник умолк, с мыслями собираясь и речь выстраивая:

– Началось это диво перед рассветом, когда звезды гаснуть начинают. Небо чистое, почти полная луна. С реки, ветерок туман тянет. Это я тебе, со слов девятого секрета передаю. Тот, что над русальным заливом. на яру укрывался. Там Сазан с Архипкой дозор несли. Я с ними еще Немтыря (Немтырь – немой) оставил. Пусть обвыкается, да науку у опытных перенимает. Днем, они вместе доглядом занимались, а на ночь Немтыря к лошадям отправили. Которые, за полверсты от них, в балке, стреноженные паслись. На лугу там серый объявился. Прошлой ночью, полнолунию песню пел.

– Михей обратился вслух. Завлекательно начал молодой сотник!

– Так вот: службу, как велено тобой, в час волка бдели оба. Было тихо, только русалки, а может рыбины, в заливе иногда плескались. Как вдруг, показалось, что стих ветер и замолкли

утренние птицы. Сазан с Архипкой, аж по сторонам осматриваться начали. Жутко им обоим вмиг стало. И вот тут началось! – Симак громко сглотнул, захекал горлом: видно и его, собственное повествование взволновало.

– Гул послышался с другого берега, как бы с правой руки, от десятого секрета. Вроде собралась тьма – тьмущая шмелей в рой и поутру решили с того берега, на наш перебраться! Уши закладывает! И не зги не видно. Рой уже над рекой, теперь над головой, а там и за спину мчится! Головами вертят дозорные. За роем развернулись. Оба спиной к реке стали, на восход смотрят. А все равно ничего не узрели.

Тут и вздрогнула земля крупной дрожью. Вздохнула тяжело и наступил покой. Ветерок опять поплыл от Ратани. Птахи, рассвет встречать вспомнили. А там и Ярила (Ярила – бог весны и солнечного света) лик показал. Сазан с Архипкой страх свой утренний друг – другу поведали. Объяснять взялись, но ничего похожего в их жизни не было. От отцов и дедов о подобном никогда не слыхивали, поэтому загрустили сильно. Что старшине, сотнику и товарищам рассказывать?

А когда, через время, на своей лошади объявился Немтырь, с девчушкой малой на руках – совсем приуныли. Непонятного – все больше! Как расспросить Немтыря откуда ребенок, если не говорит он по – нашему? Хотя и понимает, почти все. И порешили, ждать меня со сменой. Пусть я и молодой, но властью отмечен, мне и разбор делать.

Подумали: девчушку побережем, чай не грудничок, годиков пять, а то и более. Припасы есть, а не хватит – и рыбки взять можно и птичий живности, на окрестных лугах добудем. Да и смиренная, девчушка пристала! Молчит, глазенками зелеными вертит, сырость не разводит. Перебедует четыре дня!

Симак выдохнул полной грудью. Видно тяжело ему далась такая длинная речь. Пока вел свой рассказ, почти светло стало. Михей протянул ему ковш, с прохладным квасом:

– Промочи и досказывай!

– Да остальное уже обыденно. Семен с Архипкой на пальцах Немтыря распытывали. На песке рисовали круги с линиями. С грехом пополам дознались, что после качания земли, обвалился песчаный скат в балке, где кони, в ночном, паслись. Он решил их перегнать на луг, поближе к круче, где секрет хоронился. Сам он не спужался: на его земле, где жил раньше, такие качания не в диковенку! Там у них, каждый год так трясло, что горшки с полок валялись!

На пол – пути к реке, когда уже рассвело, возле старого кургана, на Сивкином лугу, девчушку он и нашел. Стояла нагая по пояс в траве и смотрела в сторону Лукмышского леса. Даже не заметила, как к ней вплотную на трех конях подъехал Немтырь. Спрашивать он ничего не стал. Знал, что не поймет она его птичий язык. Просто наклонился и втащил её на лошадь, завернул в походный плащ и посадил спереди себя. Говорит, что она не сопротивлялась и не промолвила ни единого слова. На одну странность обратил внимание: следов к тому месту, где она стояла – не было. Роса на траве сохранилась не сбитая.

Так она оказалась у нас: – Симак смахнул надоедливую комара:

– И по сей день молчит, но к нашим разговорам прислушивается, глазами следит за говорящим. Поначалу думали, что на одного немтыря у нас больше стало. Ан нет: ошиблись!

Она после встречи с Бобровниками, почивать легла на кошму рядом с Архипкой. Он услышал, как во сне она бормотала, не на нашем языке, и вроде, звала кого-то: – Симак тяжело вздохнул.

– Ты чего, как старый мерин перед вспашкой, вздыхаешь?

– Поверишь наставник, покой потерял, после как увидел её. Нет у меня ни женки, ни детишек и я спокойно живу. Знаю, мой черед настанет, когда созрею, семью заводить. А вот запала она в душу, да так, что мнится мне, будто она – дочка моя. Снилось, что тятей меня назвала. Проснулся, а в глазах роса холодная. Веришь?

Тяжко мне жить стало. Балагурю, службу правлю, а какой-то лед в груди. Был бы семейный – просил у тебя, у всего народа Ласточек, отдать мне её в дочери. Отцом бы названным стал!

Молодой сотник так ударил ладонью по колену, что скамья, на которой сидел, казалось, в землю просела.

– Так о чем кручина? Девочек красных, на выданье, и у нас и у Бобровников и у Армяков – пруд-пруди, За тебя любая пойдет. Женись, обзаводись семьей. Хоромы, подворье у тебя справные. Потом и найдены к себе возьмешь! Да и пора тебе, ступень парня на мужа менять. Сотник, чай уже! А в заднице ветер по вечерам гуляет! – Михей не зло насупил брови. Помнил еще себя молодым. Симак, на последнюю колючку, внимания не обратил:

– Не все так просто старшина. Я не о женитьбе, о ребенке. Еще тебе случай поведаю. Перед отъездом Бобровников, как обычно, подошел к нам пожелать удачной дороги дядька Смир. Найдены возле меня на пеньке сидела. Глаголем мы со Смиром, а он не на меня, а на неё глядит. Очей не отводит. Двумя руками, на свой знаменитый боевой посох, облокотился, и подборок на ладони положил. А потом и молвит:

– А давай, брат Симак, я находку вашу к себе заберу! К сыну с невесткой! У них малая Липка объявилась, а тут ей еще сестренка, старшая, в радость прибудет! Не обидим сиротку, да и мне лепота. Сразу двойной дед!

Я ничего и ответить не успел, как к нему Немтырь, почти вплотную, подскочил. Завизжал по – звериному, десницей махнул – и посох пополам! А он ведь, толщины в два вершка, да не из сосны! Из дуба маренного! Смир вперед посунулся, опору потеряв. Немтырь обе половинки посоха в дланях сжал, да как завертит их перед собой! Только свист стоит, а палок не видно! Смир, назад попятится. Мои к Немтырю кинулись. Да и я, гаркнул на него во все горло!

Затих он, половинки посоха под ноги Смиру кинул и пошел к ребенку. Хоть и очи у него узкие, раскосые, да я узрел, что белые они у него от гнева. А найдены к нему навстречу с пенька кинулась! К коленям молча прижалась и замерла. Так и стояли. Он ей волосы гладит и что-то по – своему чирикает. Все в момент притихли, успокоились. Даже Смир, подняв обломки посоха, не взъярился. Долго рассматривал срезы разруба, потом, подойдя ко мне, прохрипел:

– Оружия не было, ладонью дерево перерубил. Ты бы присмотрелся к этому пришлому. – Расстались с Бобровниками, как обычно: душевно, но туманный осадок остался.

Я так мыслю: если Немтырь на найдены права предъявит, надо не перечить, а дать согласие. Он её нашел, ему и право. Да и девчонка к нему тянется. Смотреть будем за её судьбой. Всегда изменить или поправить сможем. А в общем, тебе рядить: тебе с родом глаголать. Как представишь вид – так и Ласточки и решат. Но помни мой посыл: найдены без Немтыря – зачахнет. Я хоть и молодой, но душой чувствую. Даже – уверен! А на себя, сапогом наступить смогу. Делу помехи не будет!

Замолчали надолго. Каждый думал о своем. Сотник о том, как тяжело ему будет отказать от мечты, назвать найденыша – дочкой. Михей – как расхлебать кашу, им не варенную. Прервал молчание старшой:

– Ладно, поглядим сначала на твою находку, когда проснется. Думаю, спит она сейчас после переездов, а потом и рядить будем. Иди, обмойся, поешь с дороги. Стряпухи уже проснулись, посудой гремят. Я же Ярило встречу, да совета у него попытаю.

3

Игрица была самым большим поселением в роду Береговых Ласточек, И самым большим городищем, по сравнению с селениями других родов, живущих под рукой державного князя Романа. За трехсаженным тыном в ней проживало, без малого, семь сотен семей, в просторных, бревенчатых избах. Еще в посаде ютились, в халупах и землянках, две сотни пришлых из других родов мужиков, баб и детишек ремесленного, мастерского и землепашного народа.

Зажиточно жили люди рода Береговых Ласточек. Занимались ремеслами, добычей зверя и рыбы, уходом за пашней. Но главный недостаток имели от торговли с ближними и дальними народами. По могучей Ратыни, как только она освобождалась ото льда, вверх и вниз по течению уходили княжеские ладьи. Тяжело груженные мехом, зерном, мукой, медом, пенькой, кузнечным скарбом, боевым оружием и другим товаром, имеющим спрос у соседей. Назад привозили заморскую невидаль и все, чего нет у них на лугах и в лесах.

На берегу, для своего торгового сословия, для чужеземных и заморских гостей, возведены из векового дуба, пристаньна толстенных сваях, лабазы, вечные ледники и склады. Постоялые дворы с ночлегом, пропитанием и помещениями для служивого люда, притулились с обеих сторон пристани.

Привезенные товары с причала, на конной тяге, каждый день везли, за две версты, на торговую площадь в Игрицу. Там их ждали заезжие и свои купцы. Они затем, собирались в большие обозные гурты. Для доставки покупок в стольный город Ивель и другие родовые городища.

Богатый город Ивель, пристанище державного князя, вольно раскинулся на берегу озера-моря, под названием Бельха. От Игрицы, до Ивеля – более пяти сотен верст. Почти шесть дней конного пути.

Земли у князя богатые, густонаселенные. Кроме Ласточек, Армяков, Бобровников на заходе, в вотчине Романа, еще дюжина родов обитало. Они вольно расселись, вдоль берегов Бельхи на истоке. Вдоль предгорий Караньского хребта – на полдне. Возле Смиглых трясин, в густых лесах, примыкавших к берегам Ратыни – на полночи.

По водам озера-моря, в Ивель город, приплывали купцы из полночных стран, завозя свои товары для торга и загружаясь, для себя, всем необходимым.

Лакомым куском, для лихих людей, были и стольный город, и торговый тракт, и Игрица. С пристанью и торгом. Княжеская охранная дружина состояла из четырнадцати сотен гридней, под рукой тысяцкого Ерофея. И это не предел, что мог позволить, по своему достатку Роман. Обороняя стольный город от лиходеёв из полночных стран и торговый тракт от лесных разбойников, при надобности, князь мог положиться еще на пятнадцать сотен воев из ивельских горожан.

Для обороны Иерицы, которую еще прозвали речными воротами, на берегах Ратыни, князь Роман постоянно держал в городище две сотни своих лучших гридней. Приставив к ним мудрого, осторожного, храброго старшину Михея. В случае нападения степняков, при созыве игрицких воев, число защитников под рукой Михея утраивалось. Левое и правое крыло от речных ворот – бородили вои Армяков и Бобровников.

Меньше полутора сотен от княжеской дружины в Игрице, постоянно дневали и ночевали на михеевском подворье. Остальные, кто обзавелся семьями, на ночь отпускались к женам, деткам. Семь десятков воев посменно бдели в секретах. Дружинники, наиболее боевитые и в ратном деле гораздые, под присмотром сотников и старшины, днями напролет, в занятиях и воинских играх оттачивали ратное мастерство. К мирным работам воинство привлекалось редко, только при большой в них нужде.

Просторное михеевское подворье расположилось в центре Игрицы, в ста саженьях от торжища. Две зимы назад, став бобылем, затосковал от одиночества еще не старый воин Михей. Еще полвека не стукнуло! Единственная дочь замужем. Другими детьми боги не пожаловали.

Немилыми ему стали его высокие, на большую семью уготовленные, каменные хоромы. До самого первого снега, не смотря на непогоду и надоедливых комаров, старшина ночевать, почитал под деревянным навесом. Нравилось ему слышать перекличку дозорных гридней, улавливать сквозь утренний сон приближение рассвета. А в ясную погоду – встречать миг явления Ярило миру.

Вот и сейчас, отведав с общего котла добрую порцию кулеша с прошлогодним вепревым салом, прикрыв веки, сидел Михей обласканный нежными утренними лучами. Ладно думалось ему под теплым, пахнущим рекой и луговыми травами слабым ветерком. Не был помехой ему шум воинских забав. Ими, на плотно утоптанной площади, под приглядом сотников Вяхиря и Симака, придавались свободные от дозорной службы дружинники. Думалось легко:

– Что хотел сделать – сделал! Поглядел на найдену и Немтыря после их побудки. Найдена ему приглянулась. Не чуралась незнакомого дядьки. Не отвела зеленые, в пол лица очи, смотрела прямо, с интересом. Взгляд казался добрым.

Кто-то из сердобольных стряпух принес ношеную, стираную рубаху, великую для её роста, скрывавшую ноги почти до пят. Русые, густые, в косу не уложенные волосы, были на локоть ниже плеч. И отливали, казалось, солнечным пламенем. Руки чистые, без цыпок, коими щеголяла вся местная детвора. Без весеннего загара и всяких царапок. Ногти ровные, без черных ободков.

Не простая деточка! Княжеские отроки так глядятся! Поговорить не удалось: она просто хлопала длиннющими ресницами и молчала.

Немтырь на перстах, нового ничего не поведал или Михей не смог уразуметь. Поразил конец знакомства. Вопросил Немтыря, особо не надеясь на ясный ответ: «Найдену, себе оставить мыслишь?» И зело удивился: девчонка прильнула щекой к руке Немтыря и часто закивала головкой. За ней, и желанный ею опекун, затряс черными, без единой седины волосами, связанными на затылке в хвостик.

– Ну так тому и быть! За сиротку спрашивать буду строго, животом за неё отвечаешь!

А сам дивился. Что, малая, нашу речь разумеет? Ведь понятно, что язык ей в новину еще четыре дня назад был! Вопросов становилось все больше.

Как оказалась девчонка на Сивкином лугу? Из какого далека, если нашу речь не разумеет? Почему отсутствовал росный след на траве, почему нагая? От чего стала понимать, через четыре дня, нашу речь найдена? Как смог, инородец Немтырь, двухвершковый дубовый посох, голой рукой перерубить? Вопросов в голове роилась куча, ответов – ни одного.

Укорял себя за верхоглядство: ведь были слухи, что чужестранец Немтырь не простой человек. Не так давно, разбор чинили вместе с посадником, как он один, голыми руками троих варнаков покалечил! Старшинские заботы не позволили тогда глубже вникнуть в быт пришлого. А жаль!

4

Немтырь объявился в Игрице две зима назад. После первого, главного сенокоса, дело было. Секреты доложили, что течение, все утро, несет всякие обгорелые, деревянные обломки, куски парусов, весла и даже человеческую мертвечину. Видать где-то в верховьях разор с купеческим караваном случился. А на другой день, в крайнем секрете, углядели одинокого чужестранца, который трижды за день выходил из прибрежных зарослей к воде. Подолгу рассматривал противоположный высокий берег, порывался вплавь перебраться через реку. Но всякий раз, резвая стремнина протаскивала его на сотню саженей, ниже заплыва, назад, на пологий берег. После полдня, по решению Симака, за ним отправили долбленку-однодеревку. Желтолицый чужестранец без уговоров запрыгнул в лодку и был перевезен на берег Ласточек. Поначалу он вызвал живой интерес у жителей Игрицы. Но поняв, что выяснить кто он, в каких землях его родина (рисунки на песке для всех были тарабарской грамотой), как он попал на Ратань – сплошная темень, его оставили в покое. Толмача его языка, похожего на клетот журавля, среди жителей городища не нашлось. Тогда и решили: пусть живет свободно, пока не освоит нашу речь, тогда и поведает свою судьбину.

Отвели ему коморку на постоялом дворе Микрохи, самом справном на пристани. На перстах объяснили его долги за приют, беззлобно нарекли Немтырем и объявили его полноправным жителем Игрицы.

Вскоре на него перестали обращать внимание, как на диковину. Всем по душе пришелся приветливый, всегда улыбающийся и кланяющийся чужеземец. На постоялом дворе, он брался за любую работу. Делал её справно и вовремя, чем заслужил доверие, ворчливого Микрохи.

Однажды, желтолицый принес стряпухам крупного осетра, дар рыбаков от знатного улова и спросил позволения приготовить самому. Когда разрешили, сходил к складским амбарам, добыл малые шепотки разных приправ и приступил к готовке. На пробу собралась вся челядь постоялого двора.

Отведав рыбины, чуть собственные языки не проглотили! Самый большой кус решили поднести хозяину.

Сняв пробу, Микроха велел привести стряпуху, какая приготовлением этой еды занималась. И вельми удивлен был, когда узрел перед собой Немтыря! Надолго уединился с ним.

На утро, в кухарне у плит, стоял пришелец. Накрывший голову, вместо колпака, затейливо повязанной узлом на затылке белой женской косынкой. Весть о появлении новой, необычайной стряпухи, молнией облетела пристань. У рода Ласточек, мужчина у плиты – невидаль великая!

К середине дня к постоялому двору потянулся люд со всей округи: речники, грузчики, рыбаки, возницы, корабельные мастеровые и просто зеваки. Местные, обычно, днем трактиры на постоялых дворах не жаловали. Ну, если полуштоф ерофеича (ерофеич – очень крепкий продукт перегонки браги, настоящий на травах) на всю ватагу, после удачной разгрузки – загрузки, прикупить. Когда работы более не ждут. Для себя, еду на день, в лукошках из дому брали.

Но в этот день, многие местные работяги были замечены у Микрохи. За столы садиться не спешили. Как – бы, невзначай, заглядывали в двери кухарни и неспешно покидали трактир, удивленно кивая головами. Зато пришлые, отведав новую готовку, были довольны. Отходя от столов, поглаживая животы и сыто отрывивая, всю расхваливали нового кухаря и его готовку:

– Такую тюрю век не едал! Вроде и лук, квас и хлеб прежние, а вкус совсем не тот! Небесный! Миску до сухости языком вылизал! А утиных крыльев два раза спрашивал! И третий не отказался, если бы в чреве место осталось!

Кто запозднил, тем довольствоваться пришлось хлебом и квасом. Микроха лично просил, у тех, кому еды не хватило, не гневаться за его оплошность. Обещал завтра все исправить и наладить угощение для всех, кто трактир посетит.

С вечера, в помощь к Немтырю, приставил еще двух стряпух, с наказом глядеть тому в рот, что бы правильно разуместь его наказы. До полуночи, вдвоем, закупали в амбарах и ледниках приправы, свежий хлеб, овощи, птицу, рыбу и пернатую дичь. Но на другой день пришлось Микрохе, сызнова просить прощения у тех, кому опять не хватило. Вал едаков схлынул только к вечеру: еды всем досталось. Народ ел от пуза, да нахваливал. Причем, за столами, были замечены и люди из рода Ласточек.

Желающих повечерять, тоже собралось немало, и вот, последним из них, пришлось довольствоваться сушеной медвежатиной и вяленным сомом.

В знак признания своей повторной оплошности, Микроха, запоздавшим выставил по чарке ерофеича без оплаты.

Молва об искусном кухаре быстро докатилась и до населения Игрицы. Теперь, каждая зажиточная семья, почитала за правило хотя бы раз в седмицу, посетить трактир Микрохи и отведать изыски знаменитого кухаря. Особым почетом у мирян пользовались рыбные и птичьи готовки.

В знак признания успехов, трактирщик заселил на постой Немтыря к своей родной тетке. Вдовой, бездетной Домне. Назначил ему хорошую плату за кухарство.

Просторная изба Домны приютилась вблизи постоялого двора, имела небольшое подворье с амбаром и баней. Живность, пожилая хозяйка не держала, не огородничала, кормилась с продажи платков из козьей шерсти, которую сама пряла. Помогала и доброта любимого племянника, когда нужда появлялась.

Поначалу Домна прохладно отнеслась к постояльцу. Нелюдимый, в редкие появления на подворье при встрече улыбался, часто кивал головой, прикладывал к груди руки и уходил на свою половину. Отношение изменилось, после того, как он без уговора, перекрыл крышу и заменил двери в бане. А однажды, высыпал ей на стол все монетки, которые платил ему Микроха. Перстами показывая, что сам не нуждается, а Домне пригодятся. С тех пор, его одежда всегда стала чистой, и на его жилой половине, поселился уют и порядок.

Но не бывает в жизни, чтобы надолго в ней праздновала благодать. Тучи стали сгущаться на другой стороне пристани. Где на самом краю, прилепился постоянный двор хромого Корзуна.

И раньше заезжий люд с большей охотой почитал становиться на постой у Микрохи, хотя и дороже обходилось. Клопов и крыс меньше, еда гуще, лежаки мягче и хмельных, кулачных ссор не было. Строго следил за порядком сам хозяин. И лишнюю кружку меда не нальет, и в чарке ерофеича откажет, захмелевшему столовнику. Да и два здоровущих брата – близнеца Корсаки, постоянно бдящие при трактире, охлаждавали излишне горячие головы задир.

Постояльцами Корзуна, становились или совсем уж неимущие, или люд опустившийся, вороватый и разбойный. Редко, по незнанию, селился у него самостоятельный, степенный гость. Да и то через два – три дня съезжал. Бывало оставив, в ловких руках, свое добро.

Нет, не жировал хромой, хотя и скуп был до неприличия. Каждый грош считал, и зажимал на всем. При расчетах с постояльцами и столовниками нечист был на руку. За свой блазнь – бит не раз, но отлежавшись, принимался за старое.

Черной завистью, завидовал он достатку Микрохи. Где можно распускал грязные послухи. Встречал каждую ладью с купцами для перехвата постояльцев. Однажды исхитрился запалить его сарай с сухими дровами на зиму. Но челядь микрохинская, вовремя пожар узрела. Не дала разгореться: забросала песком, залила водой. У всех думки на Корзуна были, но дознание проводить не стали, только на словах пугнули.

А уж с приходом на кухарню Немтыря, неудачник сразу осознал, что прибитки Микрохи выросли немерено. Зависть к нему, перешла в яростную злобу.

Многие козни задумывал против ненавистного соседа, да исполнить не мог. Боялся, дознаются служивые посадника от кого вред – тогда головы не сносить! Через знакомцев пробовал переманить знатного кухаря. Обещал серебряные горы и луну с неба в придачу. Ничего с этой задумки не вышло. Не внял уговорам чужеземец, а может, не смогли объяснить переговорщики его выгоды. Зубами заскрипел, очи белесыми, как у дохлой рыбы стали! По своему вельми громко зачирикал и убрались ходоки по добру.

Попробовал сам поговорить с Домной (в молодости сватался к ней без надежды). Не могла бы соблазнить постояльца принять в учение его семнадцатилетнего племянника? Разумеется, недаром.

Та ухват рогами на него нацелила и за порог вытеснила. Не подступиться, хоть на разбой решайся!

Однажды, поздним вечером возвращался Немтырь домой, сделав все свои дела на кухне. За его руку держался семилетний отрок по имени Осьмушка (восьмой в семье), по нужде отданный в услужение на постоялый двор. Весь светлый день пользовали мальца на посылках и мелких работах. За что разрешили ему дважды столоваться и остатки от трапезы постояльцев, домой забирать.

Ночь светлая, звездная, но луна еще не вышла. Из – за последнего лабаза выдвинулись три тени и загородили им тропу. Немтырь выпустил теплую ладошку и указал малому спутнику, куда ему улепетывать. Для резвости добавил легкий подзатыльник. Лица у двух – прикрыты черными матерчатými повязками, а у третьего – берестяная личина. Как у ярмарочных скоморохов. У всех троих в руках полутора аршинные колья, в два вершка толщиной.

Осьмушка далеко не убежал, спрятался за старыми кадками у ворот лабаза. На завтра, судачили на пристани и в городище: с рассветом, на тропинке возле лабаза нашли двух бездвиженных громил. Рядом три надломанных колышка. Оба татя живые, но мир не очень

воспринимают. У одного – сломана десница и обе ноги. Другой дышит со стонами и сукровицей на губах. Явный слом ребер и ушиб грудины. К обеду на пристани, под гнилыми рыбацкими сетями, нашли третьего. Целого, тихо скулившего, как побитая собака, с выпученными на лоб, постоянно слезящимися очами.

Мужики, занятые на пристани, подходили, смотрели, пожимали плечами и сочувственно вздыхали. Семенники, убогого, напоминали две средних по размеру тыквы, а цветом были как спелые сливы. Тут еще масла в огонь подлил Осьмушка. Ночью, прибежав домой, он все поведал матери, о чем, на утро, знали все соседи:

– «Дядька Немтырь, как заревел на разбойников, как руками и ногами замахал, так по одному, они все на землю попадали. А потом поломал их дубины и ушел домой».

Вести дошли и до посадника Стара и до старшины Михея. Всякое случалось в Игрице. Бывали хмельные поножовщины, редко со смертоубийством. Бывали кулачные бои, ватага на ватагу. Но что бы трое на одного, ночью, да с кольями – такого еще не было.

Оседлали коней и поехали на пристань с разбором. Немтыря нашли возле печи: брал деревянной лопаткой из жаровни рыбу: пробу снимал. Позвали на подворье. Не в кухарне же о деле спрашивать! Повели к месту, где разбой случился, но ничего не дознались: только улыбался и пожимал плечами кухарь. Осмотрели его самого. Руки – ноги целы, без синяков и царапин, Одежка чистая, нет рваных штюпок. Босые ноги без шишек. Пришлось отпустить восwoяси, хотя вопросов на языке великое множество было.

Спрос убогих тоже дал мало. Подговорил их на разбой Корзун, пообещав до конца осени кормить без платы. Перед уходом в засаду, благословил каждого двумя чарками ерофеича. Наказал до смерти кухаря не забывать: руки поломайте – это будет самая лепота.

Долго ждали за лабазом, прячась в кустах. Встретили на месте, где пятак ровной земли присмотрели засветло. Личины скрыли и выскочили с кольями в руках. Думали Немтырь в бега подастся, но вышло по – другому! Издав клич на своем языке, он сам кинулся на них. И вроде,

стало у него четыре руки и четыре ноги. Да с копытами, как у лошадей. Может и крылья за спиной выросли. Иначе чем объяснить, что его втроем колыями ни разу не достали, а он копытами, так их забил и поломал! Чуть живыми в себя пришли! Благо мастеровые вовремя нашли и откачали.

Послали за Корзуном, но не застали. Сестра его, что на хозяйстве осталась, поведала об отъезде хозяина с утренним обозом в стольный град по торговым делам. Через четыре седмицы должен быть назад. Дознание решили отложить до возвращения трактирщика. Душегубов, по выздоровлению, отправили на каторгу, в карьер, где рубят камень для стен Ивеля, а за Немтырем установили тайный надзор. О случившемся на пристани в скорости забыли. Только Михай, при встрече, кухаря на перстах пытал. Как он от троих отбил? На что, хитро улыбаясь, чужеземец тоже на перстах отвечивал: руками и ногами.

Хромой Корзун, в обещанные сроки, в Игрице, так и не объявился. Хозяйство злыдня окончательно пришло в упадок. Сестре, несмотря на все потуги, совладать с лихими постояльцами, не было мочи. Однажды, холодной зимней ночью, кто-то может по – неосторожности, а может со злым умыслом, выпустил на подворье Корзуна, «красного петуха». К утру на месте постоянного двора остались одни дымящиеся головешки, да сиротливо торчащие печные трубы.

«Перун наказал за его злодеяния и жадность» – судачили на пристани и в городище. Тайный надзор за Немтырем, новин не принес и его решили снять. Вел он себя тихо. Утром в трактир, вечером домой.

Но не оставил без внимания бог-громовержец кухаря! Стал замечать он, что отношение к нему со стороны Игрицких жителей, особенно мужиков, стало другим. Не то что бы сторониться стали, но при встрече, приветствуя, отводили очи в сторону. Мямлили невнятно и спешили откланяться. Не сразу нашел ответ Немтырь на столь обидное для него похолодание со стороны нечаянных соплеменников. Вроде бы, живет, как и ранее. К приготовке еды относится по доброму. Старается всем угодить, зла никому не чинит, со знакомыми и незнакомыми приветлив.

Только спустя две луны домыслил ответ. Отношение к нему, поменялось после случая с варнаками! До встречи с ними, он был безобидным, чужестранцем, который нашел своё место в жизни, у плиты. По своим возможностям, приносил посильную пользу ласточкиному роду, чем завоевал уважение общины. Ну а потом эта ночная сшибка! Один против троих с колыями и полная победа! С тех пор совсем иначе стали смотреть на него работники с пристани, мастеровые с городища и даже гридни с михевского подворья.

Знать ты не только кухарь, но и знатный воин, если с голыми руками против разбойной ватаги выстоял и калечный урон всем троим нанес! Негоже, такому молодцу, возле печи выставлять, на бабское ремесло отвлекаться!

Крепко задумался Немтырь о дальнейшем житье-бытье. Менять что-то надо! Иначе, почет у приобретенных соплеменников, не вернуть.

Три луны, под своим постоянным приглядом, учил наиболее сметливую стряпуху готовить яства по своим секретам. В месяц травный (май), поклонился Микрохе, трактирной челяди и снял с головы поварскую косынку.

Седмицу латал крышу в избе Домны, навел на подворье порядок и, поутру, направил стопы в городище, на поклон Михею.

Старшина с трудом, но уразумел просьбу Немтыря. Чужеземцев на службе в дружине, досель никто не помнил, но для бывшего кухаря сделал исключение:

– Возьму пока к печи. Как освоишься, и к службе обвыкнешь – пойдешь в секрет на Ратань. Воинскую науку постигать.

Вновь крутой поворот сделала дорога жизни скитальца, но он был очень доволен. И раньше он задумывался о своей судьбе, в новом для него мире. Понимал, что плита не его место. Надежда, увидеть в глазах будущих побратимов прежнее уважение, согрела душу.

5

Не спокойно было на душе старшины Михея. Начало лета не радовало, мрачные мысли осаждали голову. Две седмицы назад на степном берегу Ратыни, секретами Ласточек и Бобровников, дважды замечены разезды секуртов. Коней они оставляли в густых зарослях прибрежного ивняка. Сами же, тайно, по густой, высокой траве подбирались почти к самому берегу и подолгу высматривали рубежные земли. В ту же седмицу, секрет Армяков, после полуночи, выследил, как к их берегу пристала долбленка и тайно высадила пятерых степняков. Пока те оглядывались, пока поднимались по круче, пока заматали оставленные следы – по сигналу подтянулись соседние секреты. Встретили на косогоре стрелами, сулицами и в миг всех выбили. Подранков не оказалось, пыточный спрос брать не с кого, за что их сильно бранил армяковский сотник Ратиша. Осмотр показал, что вооружены они были для разведки. Последовал указ Михея: удвоить зоркость.

Но следующая седмица на рубеже прошла спокойно, секреты чужих не высмотрели. Зато объявилась Найдена (такое имя решили дать девчужке) и загадок еще больше добавилось.

Новоявленный отец, получивший право опекуинства, обратился к Михею, обретя отцовское опекуинство, дозволения, вернуться на постой к Домне. Там у него, по договору оставалась, половина избы. И получил добро. Хозяйка, прослышав о возвращении уважаемого постояльца, затеяла в его половине порядок, с учетом появления малой жилички. Нанятые мастеровые, установили в светелке новую лежанку. Домна накрыла её периной лебяжьего пуха с подушкой и козьей шерсти покрывалом. Вернувшись на подворье в свою половину, Немтырь ощутил, ранее забытое, во время своих странствий, успокоение и душевный покой.

С раннего утра он отправлялся в дружину, а вечером, чуть не рысью, спешил в своё жилище. Найдена целый день коротала, не отходя ни на шаг от Домны. Прислушивалась, что она глаголет и присматривалась, что делает. На пристани и поблизости, детская мелюзга не проживала, так что приходилось обходиться обществом хозяйки.

Домна, придела постоялицу в новую рубаху, по росту. Кожаные башмачки у заезжих купцов раздобыла. От ненастья и холода, невесомый плат из козьей нити связала. Сердоликовые сережки сторговала. Правда серьги до поздних времен отложила. Рано еще ушки портить!

С наступлением вечера, вместе усаживались на скамейку у крыльца, высматривая приемного отца.

Так повелось, что перед сном хозяйка рассказывала сказки и истории из своей жизни. Причем и Найдена и Немтырь слушали одинаково прилежно. Для себя, незаметно, взрослые все крепче, привязывались к приветливой зеленоглазке.

То утро, Домна будет помнить всю оставшуюся жизнь. С вечера поставила опару. Оладушки на утро и пироги на вечер. Успела только, с рассветом, растопить печь, как со своей половины, явилась Найдена. Щеки розовые после сна, веки припухшие.

– Здрава будь баба Домна! – услышала звонкий голосок.

Ноги ослабли, подкосились, и если бы рядом не оказалось скамейки – то отшибла седалище о твердый, земляной пол.

– Деточка, солнышко наше ясное! По нашему говорить начала!! – Заголосила, обмякшая от радости хозяйка:

– Чуяла, что не зря к устам приглядываешься и к речам прислушиваешься! Смилоствилась наша женская боженька Мякошь! Открыла твои ушки до наших разговоров! Растворила уста малютки для речей наших! Как же будет рад, твой тятя, новину узнавши!

Вечером, когда утихли радости по чуду, и Найдена ко сну отбыла, тихим шепотом Домна предложила Немтырю:

– Тайное, родовое имя ей будет Ольга! Старинное имя! Означает – хмельной, бурлящий напиток. Загляни в её зеленые очи: искорки так и пляшут! На душе от этого, как после хорошего старого меда, тепло становится! А для люда пусть остается Найденной!

Все ли понял отец приемный, но зацокал языком и попробовал повторить: «Олка, Олка» и согласно закивал головой. На том, вместе, и порешили.

Подивился народ Речных Ласточек: как такое возможно? Без толмача, за короткое время малая девчушка чужую речь освоила. Глаголет так складно и чисто, что не каждый зрелый муж, с ней может тягаться, в правильности сложения слов!

Шесть лун не прошло – новое диво. Наконец для Ласточкина рода поднялась завеса, скрывавшая тайну появления Немтыря в их городище. И поведала её..... Найдена!

Длинными, зимними вечерами упрашивала названного отца, говорить с ней на своем языке. Рассказывать всякие истории и не обращать на неё внимания. Уже по весне «птичий язык», как окрестили его жители Игрицы, понемногу стал поддаваться малой собеседнице. А еще через луну, они свободно и подолгу лопотали меж собой на родном наречии Немтыря!

Прознали, наконец, соплеменники, о том, что родиной чужестранца был один из множества каменных островков. Затерянный в бескрайнем, не имеющем дна море, он на многие тысячи верст отдален от Игрицы.

Родители были еще молодыми, когда тряска земли и моря разрушила их деревню. На плоту из легкого дерева они, с восьмилетним сыном, перебрались на очень большую землю. Где были широкие мутные реки, поля покрытые водой и высокие до небес горы. Населял землю похожий на них народ и поклоняющийся тому же богу, что и они. Людей проживало там очень много. Большинство без достатка. Скучную пищу, в отличие от островитян, где основной пищей были дары моря, готовили из прозрачных зерен. Еду обильно сдабривали, для вкуса, разными травами. Знали они и голод, когда на зерна не было урожая. А это было часто. Поэтому лишние рты беднякам не нужны: «идите в горы, там ищите приюта».

Пришлось семье продолжить свои мытарства. На пути к вершинам, в предгорье, повстречали трех служителей бога, назвавшихся монахами монастыря. Сказывали, что стоят он больше тысячи лет на горе, высоко за облаками. На просьбу присоединиться к ним, монахи ответили согласием.

Путь к монастырю оказался неблизким: чем выше в горы поднимались, тем холоднее становилось. Снег и лед встречался все чаще, А там и совсем скрыли сплошным покровом, прилегающие к тропе склоны.

Беда случилась на восьмой день пути: небольшая снежная лавина унесла в пропасть родителей Икутара, (так на самом деле звали Немтыря) и двух монахов. Остались в живых, он и молодой монах. Изнемогая от усталости и голода, они упорно поднимались по козьим тропкам вверх и лишь на десятый день переступили порог обители.

Без малого, на двадцать пять лет, монастырь стал домом для Икутара. Полсотни монахов, живущие в его стенах – единственными людьми с которыми он общался. Каждый из них учил молодого воспитанника тому, в чем сам был умельцем.

Зрелым мужчиной, овладевшим редкими знаниями и искусствами, с согласия монашеской общины, Икутар покинул, ставший родным кров. Пытливый нрав требовал новых встреч и знакомств с неизвестными землями и людьми.

Через четыре долгих зимы, после скитаний по чужим весям, судьба забросила его на большую, гребную лодку с рыжебородыми купцами. Они плыли вниз по Ратыни к теплему морю по торговым делам. В двух поприщах от Игрицы, во время ночлега в небольшом заливе на правом берегу реки, под покровом ночного тумана, их окружила дюжина долбленок. Не успели сыграть тревогу, как купеческое судно заполонило десятка три визжащих разбойников. Икутар, вместе с одним рыжебородым, оказались наглухо запертыми в тесном закутке,

из которого выбраться возможности не было. Было слышно, как одна часть налетчиков резала купцов, а другая перегружала захваченный товар в долбленки.

Закончив погром, речные разбойники споро подожгли ограбленную речную посудину и вытолкали её на стремнину. Задыхаясь в дыму, Икутару и его попутчику, удалось выбить, занявшуюся пламенем дверь и через борт выбраться из чадного костра на чистую воду. В суматохе, рыжебородый потерялся. Может не выдержал, дымом отравленный организм борьбы с великой рекой, а может, выплыл прямо в руки степняков, где и сгинул. Икутара, отнесенного далеко от места пожара течением – прибило к правому берегу. Дальнейшее всем известно.

Население городища со всем пониманием отнеслось к истории Немтыря. Пережил он конечно не мало, но видали они судьбы куда заковыристей и запутанней. Тем не менее, уважения к нему прибавилось. Одно дело чужестранец, без корней, без прошлого. Совсем другое – горемыка и скиталец из далеких земель. Еще раз подивились красоте рассказа юного толмача. Отныне, признав редкие способности Найдены в познании чужих языков.

Ведь бывает так: решил все милостивый Перун, наделить всяческими умениями своего холопа, который ему глянулся. Вся жизнь, после этой милости, можется у него все, за что бы, он не взялся. Вот только не всегда от такого божьего внимания, холоп живет в радости и неге. Куда чаще многие умения притягивают многие беды.

6

Четвертая весна минула в жизни семьи Немтыря – Икутара. Хоть и с грехом пополам, при помощи приемной дочки, но освоил он язык игрицкий! Теперь, худо – бедно, пусть медленно и изрядно коверкая слова, мог общаться с дружинниками и прочим людом.

Ольга здорово подросла. Рубаха, подаренная бабкой Домной, не закрывала уже колен, пышные русые волосы достигли пояса, становясь помехой в играх. При некоторых забавах приходилось прятать их под одеждой. Значительно вырос круг её знакомств. На игрища к сверстникам, приходилось бегать в городище, ближе, к их подворью, детвора не жила. Сразу проявился её интерес: никаких хороводов с подружками или плетений венков из луговых цветов! Это не для неё. Полюбила резвые забавы, где нужно доказывать первенство через ловкость, быстроту, смекалку. Свое или ватажное.

В теплое время, это были салки, казаки-разбойники. В стужу – больше всего привечала «взятие снежного городка». При дележе игроков, старалась стать в строй малых и слабых, которые при её участии, зачастую, становились победителями. А как по – другому? Никто не мог, даже отроки много старше, соперничать с ней в быстроте и выносливости – если это касалось бега. В умении найти противника в темноте – в казаках-разбойниках. В меткости снежного боя – на горке при взятии городка! Поначалу все выказывали восторг и зависть Ольгиным успехам! Но постепенно, её стали отваживать от участия в забавах. Кому интересна игра, где победитель известен наперед?

Обиды к нынешним соплеменникам Ольга не питала: детским умом понимала, что вина в происходящем, на её стороне. Если бы она не так явно выказывала свои способности – отроки не отвергали бы её из своих ватаг. Но поделаться с собой ничего не могла.

До начала игрищ она ничем не отличалась от прочих участников, но стоило услышать клич о начале первенства, даже внешне менялась. На щеках появлялся румянец, зеленые глазницы приобретали янтарный отлив, как у камышовой кошки перед смертельным броском. И ни одна сила не смогла бы теперь усмирить азарт единоборства, азарт победы!

Время для неё меняло свой привычный бег. Казалось, что соперники становятся вялыми и медлительными. За толику времени ей отведенную, она могла провести втрое больше движений, и действий, чем нормальные люди. Окружающие замечали, что Найдена не движется, а как бы перетекает стремительной тенью. Вот только стояла здесь, перед очами, а через миг она уже за их спинами! Глазом моргнуть не успеешь, как она уже на десять сажен уплыла в сторону! Ну, какое тут соперничество, какие игры? Весь интерес и азарт забавы у детворы уходит напрочь! Поэтому и наступил холодок в отношениях.

Своей бедой Ольга поделилась с приемным отцом. Сдерживая слезы, не на жалость рассчитывала – на добрый совет, на помощь:

– Что мне делать, не в куклы же играть, не венки плести и ручейки – хороводы водить? Нет мочи жить как снулая рыба после зимы! В чем моя вина, если быстроты, от рождения, мне матушкой Мякошь больше, чем всем остальным дадено?

– Икутар-Немтырь думал не долго:

– Когда ты мою речь освоила, я тебе поведал, что попал на большой земле в горный монастырь. Многие годы учили меня монахи божественным молитвам, тайнам врачевания болезней и ран, терпению телесных и душевных болей. А главное – древнему искусству боя на руках и ногах. На длинных и коротких палках. Владению мечем и метанию всего, что противнику на расстоянии урон нанести может. Наука эта тяжелая, быстро её не осилишь, но в жизни очень может пригодиться. Мне не раз помогала за себя постоять и смерти неминуемой избежать. Сейчас ты под моей и родовой защитой! Но жизнь длинная и может обернуться так, когда этой защиты ждать нет времени.

Достичь моего уровня тебе не по силам. Если согласишься на учение, то знай: не будет при этом ни отца, ни дочери. Будет наставник и ученик.

Пытал меня Михай о моем знании после одной встречи с лихими людьми. Просил при дружинниках показать науку, но я не сподобился. Слишком страшная сила кроется в этом умении. Неведомо, как оно в чужих руках себя поведет, верой и честью не подкрепленных. От тебя у меня секретов нет. Ждал нужного времени, что бы тайное искусство тебе передать! Видно подошло сейчас оно. Твой возраст, моему, тогдашнему, почти соответствует! Будут наши с тобой дочка занятия, отдушиной в уличных невзгодах, если боли, синяков и пота чураться не станешь.

Немтырь, как по привычке продолжали его величать в Игрице, был в почете у гридней. За пять зим пришлось ему поучаствовать в трех сечах на рубежах. Героем не стал, но сражался, хотя и во второй лаве, достойно. Несколько степняков к праотцам отправил.

В последней сечи с большой ватагой степных разбойников, что случилась на земле Бобровников, закрыл брешь в стене дружинного построения, прорубленную варнаками. В одиночку, не позволил врагам пробиться к тылам и обозам. Поймав, при этом, шуйцей стрелу. Рана не опасная, да видно затронул наконецник важное сухожилие: рука подвижность потеряла. Местные лекари, в один голос нарекли её усыхание, но Икутар не смирился с черным предсказанием. Баней и компрессами, только ему известными травами, и ежедневными изнуряющими нагрузками, за семь лун, почти полностью восстановил, ранее утраченные возможности калеченой шуйцы.

Семак, под рукой которого служил приемный отец его несбывшейся мечты, Найдены, всячески старался облегчить ему воинскую повинность. Редко назначал в секреты на Ратань. Зато постоянно использовал для помощи находящимся на излечении гридням. Объясняя свои решения, роптавшему на послабления Икутару, простыми словами:

– Себе здоровье поправил, так помоги, хворым, скорее в строй стать. Достаток, если кого раньше срока поднимешь, для дружины больше, чем ты в дозоре раненую шуйцу холодить будешь. Да и времени свободного для Найдены надо больше тебе иметь. Домна не наставит чадо, как отец должен!

Вот это свободное от строя время, заручившись согласием Ольги, и решил использовать для занятий по воинскому умению Икутар.

Поначалу, в густом подлеске, что в версте от подворья, выбрал ровную поляну, покрытую ковром жесткого мха. Через Домну заказал порты, мужскую рубашу из грубого, прочного полотна, застегивающуюся под горлом. Из толстой, буйволиной кожи – безрукавку, самолично нарисовав её на куске бересты и указав размеры. Примерив обнови на ученицу – остался всем доволен.

С начала недели приступили к учебе. Вставали затемно, что бы рассвет застать на поляне, до которой добирались быстрым бегом. Очень старался Икутар подробно вспомнить свою науку в монастыре. Что бы воспитанница прошла её полностью так, как в свое время, проходил он.

К дому возвращались таким же бегом. Смывали пот в затоне, вместе снедали, чем на стол накрывала Домна, После чего отец направлялся на подворье к Михею. Дочь, прибравшись по дому, приступала к обязательным занятиям, наказанными строгим учителем. Вечерняя учеба, после возвращения со службы главы маленького семейства, не отличалась от утренней. Лишь закрепляла умения, достигнутые, самостоятельно, за день. Ко сну отходили за час до полуночи.

Вскоре наставник увеличил нагрузки. Теперь бежать на поляну и обратно, Ольга должна с приличным обрубок сосны на плечах. Дневные задания расширились по времени. Стали утомительным занятием, метание в толстый деревянный щит, сбитый из дубовых брусков, топоров, ножей, сулиц. С разных расстояний и положений тела. Задача – попасть не только

в центр нарисованного круга, но и что бы метательное оружие оставляло острием отметину на дубе. Ученица очень старательно относилась ко всем требованиям отца. Не позволяла себе проявлять даже минутной слабости, оставаясь без его присмотра. Настолько увлекло её древнее боевое искусство.

Конечно, она уставала от изнуряющих ратных потех, засыпала сразу, как только щека касалась подушки. Но сон, пусть и короткий, полностью восстанавливал растроченные за день силы. Утром была свежа, весела и полностью готова к обучению воинским наукам.

7

Незаметно, в житейских и бойцовых заботах, пролетели еще четыре года. Икутар подна-торел в разговоре на языке Ласточек. Его речь стала неотличима от говора местных.

С каждым теплым сезоном, все больше ладей чужеземцев причаливало к пристани, что заставило удлинить её почти на сорок сажений. Но места всем, в самую торговую пору, все равно не хватало. Некоторым купцам, что бы причалить, приходилось два-три дня ждать своей очереди в излучине Ратани. Зажирел, разросся постоянный двор Микрохи: за счет двух пристроек расширились гостиная и трактир; добавились две конюшни и амбар. Увеличилось число стряпух и холопов. Даже у Осьмушки, появилось два помощника.

Микроха частенько навещал подворье Домны. Беседовал со своим бывшим кухарем, иногда – с Домной и Ольгой. Возврата к плитам не предлагал, но просил его, советами стряпухам, по готовке блюд, не отказывать. Каждый раз приносил большую корзину съестных гостинцев, настаивал не противиться его хлебосольству. Всегда, по долго, тряс руку Немтырю на прощанье.

По весне пристань зашумела от новины: ниоткуда вернулся хромой Корзун! Утром зрели его! В синих портах, заправленные в красные сапоги; богатом кафтане с меховой оторочкой по вороту; поясным, дорогим кушаком, с увесистым калитой (калита – большой кошель)! С кислым лицом бродил на заросшем буйным бурьяном пепелище, где раньше стоял его постоянный двор.

Поздно вечером, возвращаясь с поляны, Икутар с Оьгой застали его сидящим на лавочке возле ворот подворья. Внимательно оглядев обоих – бухнулся на колени перед Немтырем! Заговорил быстро, сглатывая окончания слов, так что даже Найдена его речь плохо понимала.

А просил Корзун прощение прошлым грехам, которые он совершил под влиянием черных богов. У него де, было много времени на осуждение своего прегрешения и для искреннего раскаяния перед кухарем и самим собой. Тем более, что он уже понес кару за свою глупость. Перун не оставил его грехи без внимания – сжег очистительным огнем его подворье! А если Немтырь его прощает, то пусть он замолвит перед старшиной Михеем и посадником Старом словечко, что ссора решена! Как добрым соседям и велено – миром!

В течение всей корзуновской речи, Икутар хмурил брови, жевал уста и с нетерпением ждал конца исповеди. Дождавшись, на своем родном языке, как в лицо погорельцу плюнул:

– На навозного червяка, каким я вижу трактирщика, зла и мести воин иметь не может, иначе бы его зловонная голова, в ту же ночь рассталась с телом.

С Михеем и Старом говорить не буду, и предупреждаю, хромой: если увижу тебя возле постоянного двора Микрохи или возле Домниного подворья – без сожаления утоплю в самой грязной луже, а тело закопаю в муравейнике! – Почему отец не захотел говорить с трактирщиком напрямую, малая толмача, так и не поняла.

Ольга, как можно мягче, перевела ответ отца. Потому, как в очах, покаянного, загорелись злые искры, ясно было, что ответ Корзуну не пришелся по нраву. Кряхтя, поднялся с колен, отряхнул порты от пыли и молча, протянул обидчику синей кожи калиту:

– Не держи зла сосед, худой мир лучше доброй ссоры, – и проводил ненавистного Немтыря взглядом до крыльца избы:

– Гордый холоп, деньгу не взял! Присосался, как гнусный клещ к нашему роду и личинки уже отложить успел! Это тебя я под личинкой мыслю, сиротка! Оба без роду-племени! Его в одних портах с другого берега привезли, тебя в кустах, с голым задом, отыскали! Люди пожалели! Как – же, бедный скиталец и безродное, сопливое дитя! Приютить, обогреть надо, будто своей голытьбы в городище и в посаде мало: – тело погорельца колотилось от неукротимой злобы!

– Ничего, придет мое время! Напомню, как пришлось мне, Корзуну, перед холопом балаган устраивать, отпущения грехов выпрашивать!

Не учел хромой трактирщик последствий, которые могут наступить, после его гневной речи, перед какой-то, как он мыслил, замухрышкой! А зря!

Неведомая сила оторвала его от земли, перевернула вверх ногами и по уши вбила в густую пыль возле тропинки, моментально проникшей в раскрытый рот. Пока он силился понять, где земля, а где небо – та же сила завертела его тщедушное тело вновь. Дважды перед очами мелькнули звезды, прежде чем с лету, впечатала седалищем в лавку. Да так, что по-волчьим лязгнули зубы! Острая боль, вдоль спины, через хребет добралась до вываленной в пыли и сосновых иголок, головы. Когда вернулось мироощущение – вокруг никого. Во рту грязь, в голове звон, в чреве пустота. Вдобавок, на седалище, во всю длину, по швам лопнули новые, бархатные порты. Как он добирался до постоя – в памяти не отложилось.

Ольга отцу о расправе не обмолвилась, но на ум записала: обрела семья врага коварного, зла с ним случившегося, не прощающего до конца жизни. И об этом, отныне, надо всегда помнить.

Через седмицу, на пристани забурлила новая жизнь. Корзун, рядом с пожарищем, развернул новую стройку. Строительство постоянного двора, взамен сгоревшего. За несколько дней расчистили площадку размером в два раза превосходящую прежнее подворье. Объявилась пришедшая строительная ватага, поражающая местных, числом работников. К стройке поползли обозы с великолепным строевым лесом и пиленным камнем для фундамента. Следак за работами, которого прозвали Грач за неимоверно длинный нос, лихо, путем кулака и кнута с мелкой гирькой на конце, быстро объяснил работягам, чем заниматься каждому на большой стройке. Хоромы росли на очах. Корзун постоянно следил за работой, остальное время, непонятно зачем, бродил на старом пепелище.

Всем было понятно: деньгу Корзун имеет великую. Откуда? Не важно! Разрешение на стройку получено от самого посадника Стара. А значит – все законно!

8

Времени у наставника, на занятия с Ольгой боевой учебой, хватало с лихвой. На рубеже, что вызывало у всех тяжкое предчувствие, было на диво спокойно. Конные дозоры, посылаемые не реже одного раза в луну на сторонний берег, на удалении трех поприщ (поприще – 21,2км), отрядов степняков не обнаруживали. Вестей от доносчиков, из степей не поступало. – «Затишье перед бурей», судачили в сотнях и городище.

Михей с каждым днем становился все угрюмее и подозрительнее: почти каждую ночь лично проверял игрицкие речные секреты; требовал того же от Армяковского и Бобровницкого сотников. До третьего пота гонял свободных от дозоров гридней. Заставлял, по десятку раз к ряду, повторять в строевых перестроениях приемы битвы.

Из арсенального амбара выдал ополченческим воям боевое снаряжение. Строго наказал холить и беречь казенное имущество при себе. И по сигналу, скоро им воспользоваться. Немтыря, ужесточение в службе, почему-то не коснулись, чему они с Ольгой были рады. Семак, по этому поводу, высказался достаточно ясно:

– Михей насчет тебя наказ дал, что бы свободного от службы времени у тебя больше имелось. С подворья, когда хочешь, свободен будь! Если не понятно – с вопросами к старшине.

Какие могут быть вопросы? Смекнул Икутар сразу. Дознался про их учебу с Ольгой старшина! Другой причины для послаблений по службе быть не могло! Вот только какая сорока на хвосте ему весть принесла? Когда сотник или кто еще любопытствовали, почему невидно в городище Найдены, отвечивал всем едино:

– Великая домоседка она у меня оказалась! От Домны не отходит: все секреты по хозяйству от неё перенимает. Некогда ей по игрищам бегать! Да и мне спокойнее: всегда под приглядом!

А занятия шли своим чередом. К этому времени Ольга сильно изменилась: в росте почти сравнялась с наставником, окрепла в руках и ногах. Достигла таких вершин в метании боевого оружия, что сам учитель вынужден был признать: многие успехи Ольги и ему не под силу! В рукопашных поединках и на деревянных мечях, Икутар брал верх за счет долгой выучки. Но Ольга, своей молниеносной быстротой при единоборствах, сводила его преимущество почти к пустому месту.

С двойственными мыслями наблюдал Икутар за достижениями дочери. С одной стороны рад был, что у него такая успешная ученица. В то же время было немного завидно, что самому ему приходилось разменивать многие годы на освоение тайн древнего боевого искусства. А подопечной для этого, хватило в три раза меньше лет!

К этому времени, четырежды пришлось менять одежду для воинских потех. Несмотря на бережливость Ольги и каждодневное участие Домны в чистке и стирке портов и рубахи, долгой носки, при такой запредельной нагрузке, они не выдерживали.

Единственное, в чем не могла пока тягаться юная воительница с учителем, это в стрельбе из боевого лука при свете дня. Ночью, за счет необыкновенного зрения, четко различая контуры мишени, могла пустить стрелу и всегда она встречалась с целью. Но вот точности попадания добиться не могла. В светлое время, глядя, как наставник с пятидесяти саженей, всаживал одну стрелу в другую, понимала, что ей до него еще очень далеко! И дело не в способностях: боевой лук для длины её рук был, пока, не освоим.

Впечатляли результаты метания звездочек и каменных снарядов из пращи. Звездочки, по заказу Икутара, выковал кузнец Милонич. Очень уважаемый мастеровой на пристани. Дважды под бросок редкого оружия подставлялись, потерявшие бдительность олени. Оба оказались на вертелах в печах у Микрохи. А уж тетерева, фазаны, рябчики и другая пернатая мелочь, благодаря без промаха разящей пращи, были постоянными гостями на столе у Домны.

Неожиданно проявилась еще одна необычная способность Ольги.

В один из летних дней, волнение охватило всех, без исключения, пристанных умельцев, работающих на обслуге торговых ладей. По нерасторопности раба, за бортом посуды купца Никомота, накануне прибывшего в Игрицу, оказался кованый сундук. С очень ценным, для торговца, товаром из далекой жаркой страны. Под своим весом, сундук мгновенно ушел на дно. Рабу, за оплошность, купец приказал привязать на шею приличный камень и отправить вслед за сундуком. Но для возвращения ценности, это не помогло.

Ладья не дошла к пристани саженой двадцать и находилась над омутом, когда потерялся сундук. Глубина затопления сундука была такой приличной, что остудила горячие головы, отчаянных смельчаков. Они посчитали, в горячке, что подъем купеческой утери будет пустяковым делом. Когда схлынул первый азарт и желающих, понырять в мутный омут иссякло, купец назначил очень привлекательную награду для тех, кто поможет вернуть потерю. Попытки заполучить приз возобновились, но скоро тоже сошли на нет. Помимо глубины и темной воды, желающим разбогатеть противостояли подводные течения, наличие которых обнаружили в омуте.

Некомот рвал крашенную хной бороду, призывал на помощь своих богов и увеличивал размер вознаграждения.

Крики на пристани привлекли внимание Ольги. Она на подворье занималась тем, что раз за разом вонзала, с различного расстояния, отточенное лезвие боевого топора в порядком изрубленный круг, нарисованный угольком на дубовом щите.

– Пойти полюбопытствовать или еще с ножами поиграть: – подумалось ей? Любознательность победила.

Долбленки сновали от берега к ладье и обратно. Туда доставляли желающих нырнуть в поисках удачи, назад привозили тех, кто удачу уже испытал. На пристани все больше скапливалось мужиков, развешивающих порты для просушки на жарком солнышке. И почти, не находилось желающих прогуляться к ладье.

Некомот стоял на корме своей посуды, опираясь на ограждение. Узрев на долбленке одинокого малолетнего отрока, только в отчаянии махнул рукой. Ольга не стала забираться на ладью. Прямо с лодки, как была в рубахе и портах, ушла в черную глубину.

Старый рыбак, хозяин однодеревки, почувствовал себя не совсем уверенно: а ну что случится с дочкой Немтыря? Ответствовать перед ним уж очень не хотелось! И зачем не отговорил, зачем повез малую к омуту? Что потом сказывать, если что случится, дружиннику, который в почете у самого Михея?

Вдоль спины стал собираться морозный столб, а девчушка все была под водой. Через толику времени навалилась паника. Старик замахал руками, заголосил в полный голос. Затревожились и на пристани и на ладье, Время, возможное для пребывания человека под водой, вышло! Но помочь ни те не другие возможности не имели!

Спешно, в две долбленки запрыгнули полуголые спасатели. С ладьи, зачем – то в воду сбросили короткий канат! Паника ширилась. Обе лодки спешно отчалили от причала, а оставшиеся на берегу орала, кто во что горазд. То – ли молили богов помочь сиротке, то – ли проклинали купца и омут. На ладье выплясывал диковинный танец Никомот.

Но все ясно осознали, шансов у Найденки нет! Слишком много времени удерживала Ратынь у себя на глубине девчушку! Теперь, хотя – бы достать из омута тело несчастной и предать земле по – людски!

И вдруг, как по команде, установилась на берегу и на ладье полная тишина. Слышно было, как пенят воду весла однодеревков, как кричат речные чайки, как плещется волна под пристанью. А следом.....

Такого рева человеческих глоток, Ратынь не слышала даже во время речных баталий. В трех саженой от ладьи, из воды показалась голова ныряльщицы! Отбросила на затылок волосы, которые закрывали лицо. Осмотрелась, и почти спокойным голосом приказала, в каменный столб превратившемуся купцу:

– Бросайте канат подлиннее, тут очень дно глубокое! Нашла я ваш сундук!

Что творилось на берегу, пока поднимали со дна потерю! Ольге пришлось нырять еще один раз, привязывать к находке, из трех кусков составленный шнур. Ничего другого на борту не нашлось. Причем сейчас, она пробыла под водой больше времени, чем в первое погружение.

Волнения, конечно, были и во время второго ныряния, но значительно меньшие. Хотя тишина стояла – жужжание мухи в полете слышно! Зато радость, при появлении её на поверхности, не уступала первому всплытию. Долбленка доставила героиню на пристань, где ошалевшая толпа кинулась её обнимать! Но потом, вспомнили, что Найдене пришлось, не малое время провести в холодной придонной воде. Мигом укутали, поверх мокрой одежды, столькими сухими рубахами, душегрейками, теплыми свитами, что стала она похожа на переспевшую капусту.

Прибежал на шум Микроха, сделал попытку умыкнуть, растерянную от людского внимания, дочку бывшего кухаря. Но ему не позволили к ней даже близко приблизиться.

Спустя короткое время к пристани причалила ладья Никомота. Купец спустился по сходням в богатом парчовом кафтане, синих сафьяновых сапожках на каблуках и загнутыми вверх носами. Златотканый заморский пояс с красными кистями и кинжалом в ножнах, был украшен драгоценными камнями. Голову украшал странный убор из белоснежного шелка с крупным, зеленым самоцветом во лбу.

Направился напрямую к Ольге. Толпа расступилась, делая перед ним широкую дорогу. Ольга, глядя на приближающегося купчину, подивилась:

– Когда успел переодеться? На ладье, видела его в сером стеганом халате и с широким мечом за поясом.

Подойдя почти вплотную, заморский гость опустил перед ней на одно колено и напевно, с большим чувством, заговорил на своем языке. Речь его была долгой. Сопровождалась частыми поклонами, прижиманием десницы к сердцу, даже, целованием земли, у её ног. Без видимой заминки, стараясь скрыть различимый акцент, перешел на язык рода Береговых Ласточек:

– Прекрасная, отважная воительница, прости, что не знаю твоего имени и имени твоих достойных родителей! Ты сейчас не сундук с товарами спасла! Ты мою честь и честь старинного рода Никомотов сберегла!

В том сундуке хранилась фамильная ценность, которая почти пять сотен лет передается по наследству старшим в роду сыновьям. Вот уже девять лет, после ухода моего отца в другой мир, да будет он там счастлив, как хранителем родового сокровища стал я!

Горе, бесчестие и лютая смерть ждет того из Никомотов, кто утратит его, независимо от обстоятельств и причин. Мой старший сын отговаривал меня брать с собой в торговый путь священную гордость нашего рода, но не были услышаны мною его советы!

Захотел я, что бы самые уважаемые люди чужих земель, смогли оценить его божественную красоту! А если представится достойный повод – то и утолить его жажду горячей кровью врага!

Ты первая, из достойнейших, можешь лицезреть великое сокровище моего рода! – Не вставая с колен, освободил из под пояса кинжал, приложил к нему устами и двумя руками протянул его Ольге.

Такого совершенного оружия она никогда не видела и в руках не держала! Осторожно извлекла, острый как бритва клинок из ножен. Полированный, голубоватый булат покрыт затейливой золотой вязью. Навершие рукояти, облагорожена искусной золотой насеч-

кой и украшена тремя красными самоцветами. Сами ножны отягощены золотыми фигурками зверей.

От кинжала исходил холод мужественной угрозы. И в то же время, веяло от него, неземной, теплой красотой.

Не смея дышать, Ольга долго, зачаровано разглядывала, творение рук человеческих. С глубоким вздохом вернула клинок в ножны и бережно отдала кинжал хозяину. Никомот вновь приложился устами к оружию и отправил его за пояс.

Ольга, с трудом справляясь с волнением, тщательно подбирая слова, ответствовала:

– Мы рады зреть тебя купец на нашей земле. Удачи тебе в твоих торговых делах! В роду Ласточек меня зовут Найденной. Я приемная дочь простого дружинника – Немтыря. Боги дали мне удачу и возможность оказать помощь в твоей беде. Моя же заслуга в том малая! Благодарю тебя за то, что позволил мне зреть на работу искуснейших умельцев далеких стран, сотворивших такое чудо! О нем я буду помнить всю свою жизнь! – Ольга сбросила с отогревшегося тела, ставшие лишними, чужие одежды и в пояс поклонилась гостю: – Никомот выслушал ответ с должным вниманием:

– Ты не только отважна, но и умна не по годам! Твой отец может тобой гордиться! В присутствии твоего рода объявляю! Отныне я твой раб до последних дней моей жизни! Готов отдать тебе и народу твоего племени все, что у меня есть с собой! Что есть на ладье и саму мою жизнь!

Да благословят мои и твои боги землю и люд, на ней живущий, за то, что растят такую воительницу! Прошу оказать мне честь великую. Завтра по – полудни, разреши посетить ваши хоромы. Дабы выразить великую признательность твоему отцу, славному воину Немтырю, за воспитание благородной и умной дочери!

– Награды нам не надо, я её уже получила, насладившись красотой фамильного клинка! Хором, моя семья, пока не нажила, но гостям всегда рады. У нас говорят: гость в дом – счастье в дом! Кто же от счастья откажется?

8.

Еще не добравшись до своего подворья, Икутар узнал все новости. Народ, каждый на свой лад, рассказывал, как почти пол – дня, не выныривая, Найдена искала сундук на дне Ратыни. Как вернула утерянные ценности купцу и как отказалась от заслуженной награды.

Придя домой, выслушал подробности случившегося, от самой Ольги. Ласково потрепал её по волосам и поинтересовался:

– Как же ты смогла пробыть, не всплывая, под водой столько времени. Дышала – то чем?

– А ты знаешь, мне казалось, что я недолго, по дну шарила. А когда воздуха не хватило – носом воду вдыхала, а через рот пузырьки выпускала. Когда вынырнула – снова, как обычно. Да я про то, как дышать и не думала: само – собой все получалось!

– Отец озадачено нахмурил брови: опять чудеса! И тут же, поймал себя на мысли, что к удивительным способностям, которые открываются у Ольги, он почти привык.

К приезду заморского гостя особо не готовились: в горницах и на подворье порядок, на стол метать всегда есть что. На случай, если гостей будет вельми много, – заручились поддержкой Микрохи. Благо его трактир почти рядом.

Икутар, получил справку, от знающих людей с пристани, что купец, разгрузил часть товаров в Игрице. Для присмотра за ними и торговли оставил своего приказчика. Сам отправляется по своим купеческим делам вверх по течению к Бобровникам и далее.

Домыслил, что дела торговые, до их окончания, застолий не приемлют. Купеческий закон не велит.

Утренние воинские игрища на поляне, по разумению, отменять не стал, но уведомил Семака, что перед полуднем покинет дружину до дня следующего. Сотник на это дал добро.

Никомот объявился на подворье Домны после полудня, в сопровождении двух крепких рабов. Икутар обряженный в походную одежду, как по нынешним событиям требовал от гридней Михей, встретил купца возле ворот. Тот же час с крыльца к ним спустились Домна с Ольгой, нарядившиеся в лучшие обновы. Но остановились на пол – пути. Решили не мешать знакомству.

Мужчины долго обменивались приветливостью, пожимали руки, кланялись. Больше говорил купец. Хозяин изредка, на словах и перстах поддерживал беседу.

По просьбе гостя, все сошлись воедино. Никомот, почти слово в слово, повторил речь, уже слышанную Ольгой на пристани. Те же восхваления спасительнице, те же предложения о награде. Икутар незаметно кивнул дочери, и та поняла отца правильно:

– Благодарим тебя славный купец за – то, что оказал нам честь, посетив наше скромное жилище! И за твои искренние речи в сторону нашей семьи! Не огорчай нас более разговорами о наградах. Вчера, на пристани, я дала свой ответ на твои посулы и мои близкие его одобрили.

Мы очень рады знакомству с уважаемым Никомотом и желаем ему и его семье благоденствия и долгих лет жизни! Отныне, наш дом, ты можешь считать своим домом. В любое время можешь рассчитывать на наше гостеприимство. И мы всегда будем, от всей души, рады поделиться с дорогим гостем всем, что мы имеем! А сейчас, в честь нашей встречи, просим отведать с нами хлеб – соль!

– Я принимаю ваше приглашение, но воспользуюсь им на обратном пути! Когда моя ладья вновь вернется к вашей пристани! Мое сердце разрывается от горя, что не смогу воспользоваться счастьем сидеть с вами за одним столом сегодня. Купеческие дела велят мне сейчас покинуть гостеприимную Игрицу! Команда ждет моего прибытия на борт, что бы отвязать канаты и поднять парус! Но ждать нашей сладкой встречи не долго: через три – четыре седмицы я вновь увижу дорогие мне лица! – В знак глубокого сожаления, Никомот приложил руки к груди и низко поклонился. На правах хозяина, прощальное слово взял на себя Икутар:

– Дело есть дело, негоже его ставить позади застолья. Удачи тебе и твоей команде в плавании и в исполнении купеческих задумок.

На реке, по нашим землям и землям Бобровников – пока спокойно. Если что – помощь всегда окажем. А вот в верховьях, где лес вплотную подходит к берегу и где на десять поприщ нет ни жилья, ни сторожевых секретов – имей воинский доспех под руками. Если остановиться на ночлег нужда заставит – держись правого берега. Но вплотную к нему не жмись! Запас свободной воды для своих дозорных оставляй. Там хотя лес и непролазный, а за ним болота непроходимые, все равно остеречься не помешает!

И еще: русалок сторонись, баят, кто в тех местах проходил, часто они к ладьям подплывают. Проказницы они великие!

Я же Бобровницких стражей попрошу, чтоб мне сигналили, как твою ладью на обратном пути узреют. К встречи с тобой на пристани – втроем готовиться станем!

Нежданно в разговор вступила Ольга:

– Купец Никомот! Я конечно мала еще поучать, да все твой рассказ на пристани вспоминаю. Не внял ты совету своего старшего сына оставить кинжал семейный дома, вот и беду на себя накликал. Чуть не лишился дорогой вещи. А если послушался бы, – в расстройство не впал! И раб не оступился на мокрой доске. Живым бы сейчас был.

Ты, конечно, волен, рабской душой распорядиться, но все одно, жаль его. Человек он! К чему я это сказала? – Задумалась, горько усмехнулась: – Сама не знаю.

Не нашелся купец, что ответить на эти слова, торопливо обнялся с Икутаром, украдкой шепнув на ухо: – Береги свой адамант (адамант – бриллиант)!

Поклонился Домне, поцеловал в чело Ольгу и поспешил за ворота. Долго вслед смотрела юная воительница. Хотела помахать рукой на прощание, но он не обернулся. На душе было очень грустно. Была уверенность, что никогда она его, в этой жизни, больше не увидит.

Отец с дочкой готовились к вечернему походу на поляну, когда у ворот, верхом на лошади, запряженной в зимние сани, объявился Микроха:

– Хозяева, принимайте гостинцы от заморского гостя! Заранее поведаю: это его воля, я её только исполнитель! Если есть недовольство – то спрос с купца, но его ладья, как пол – часа назад отошла от причала. Он вельми щедро со мной расплатился за услугу, а я, как честный кабатчик, обязан выполнить его прихоть! Как только он вертается с торгов – вы к нему со спросом!

Очи трактирщика лукаво блестели: знать медку, а то и ерофеича испробовал. Не дожидаясь подмоги, сам растворил ворота и завел кобылу на подворье. В саях стояли две корзины, накрытые холстиной и, как сразу узнала Ольга, тот самый, утопленный сундук. Микроха, суетясь, стащил корзины на траву, а вот сундук, ему одному, был не под силу. Помог Икутар. Трактирщик, разгрузившись, тот час развернул кобылу. Резво подался восвояси, оставив ворота нараспашку. Возле выгруженного скарба, в некой растерянности, остались стоять хозяева. Первым опомнился мужчина:

– И что это выдумал Никомот? Решали же совместно: никаких наград! Все по доброте и братскому согласию вершилось! А теперь, что делать? Или по их по вере и людским законам, дружеский договор не имеет силы? Если бы он меня выручил в трудную годину, стал бы я откупаться подарками?

– Успокойся, повремени отец! Не спеши судить строго: мы их уклада жизни не разумеем. Может у них быть все не так, как у нас? Еще как может! И узнать их нравы мы можем только от него самого, когда он вернется. Или у его приказчика, который остался с товаром и поселился у Микрохи.

А если у них, оставить спасителя без награды, независимо кем он тебе приходится – это страшный грех? И вечное для рода бесчестие? Чужой народ – чужие порядки! Давайте разбирать гостинцы и наберемся терпения.

В корзинах обнаружили сладкие припасы. Неведомые сушеные и свежие плоды. В плотных, вязанных из прутьев, туюсках – разных сортов орехи. Меды, разных цветов и запахов – в глиняных горшках. В малых, похожих на калиты, мешочках – остро пахнущие приправы. Большая, на два ведра, глиняная баклага с розовым вином (Икутар такое пробовал в монастыре). В кувшине, емкостью в четверть (четверть – 3,1л) – густая, прозрачная, без запаха, жидкость, похожая на масло из подсолнечника. Два больших мешка. В одном – чай, в другом мелкая, остро пахнущая, мука коричневого цвета. Были еще бруски каких – то сладостей, завернутые в большие древесные листья и поверху, в холстину. Развязывая мешки и мешочки, откупоривая глиняные вместилища, Икутар, что – то тихо бормотал на своем языке: то – ли осуждал, то – ли хвалил купца за подношение.

Наконец дошла очередь до смотра сундука. Сразу под крышкой обнаружили, плотно уложенные в стопки, отрезы заморских тканей. Что немедленно вызвало бурный восторг у женской половины. Особенно у Домны.

Тонкой выделки кожа, бархат трех цветов, невесомый шелк, плотная парча, накидки для лежаков, из мягкой шерсти неизвестных животных.

Яркие, всех цветов радуги, платки, платочки. Несколько пар сафьяновых женских сапожек на низких каблуках. Десятка полтора, на шкалик каждый (шкалик – 0,06л), пузырьков с благовониями.

На самом дне обнаружили три ларца, покрытые тонкой резьбой. В меньшем, обитым внутри красным бархатом – жменя голубоватых морских жемчужин, каждая с крупную горо-

шину. В самом крупном, обитым синим бархатом – не земной красоты монисто. Из трех рядов мелких золотых монет и самоцветных камней. Оба ларца не запирались.

Вот третий, самый малый, крышку которого украшал серебряный, рогатый месяц – открываться не желал. Икутар долго вертел его перед очами, отыскивая потайную кнопку, давил перстами на стенки и крышку. Но добился результата, когда догадался перевернуть месяц, поменяв рога местами.

Дно устилал толстый серый войлок с прорезью по верху. В неё был вставлен массивный серебряный перстень, украшенный тремя мелкими, черно блестящими камушками. Внимательно осмотрев находку, предварительно потерев о ткань рубахи – узрел много необычного.

– Странный, какой – то подарок! Таких камней я сроду не видал. И холодит персты, будто из снега только подняли. По размерам мужской, а мне даже на мизинец не подошел. Может, ты примеришь его, дочка?

Ольга, приняв от отца перстень, сразу почувствовала от него зимний холод. Присмотревшись – удивилась: ушко такой ширины, что на любой мужской перст должен одеться, да еще и запас останется! Для пробы просунула в ушко безымянный перст на шуйце. От неожиданности, дланью встряхнула. Перстень сел, как влитой!

По очереди загорелись красным светом камня и медленно потухли. Показалось, что он уменьшился в размерах и на женской руке выглядит совсем не уродливо. По руке побежала теплая волна, достигла головы. В уме, посторонний голос, изрек: «Я на месте!».

Смеркалось. Домна с Ольгой заносили гостинцы и подарки в горницы. Икутар, сидя на скамейке возле крыльца, с удовольствием наблюдал за женской суетой. Впервые за пять лет, решил отменить вечерние занятия, а это было непривычно. Пусть обновками, сегодня вдоволь натешатся!

Мысли в голове были вялыми, домашними. О случае с перстнем думать не хотелось. Привык уже к чудесам, которые так и липнут к дочке. Волновали домашние заботы. Надо решать с конем, для дальнейшего обучения воинской службе Ольги. То – ли выпросить разрешения у старшины и брать коня с конюшни дружины? То – ли пришла пора выбирать постоянного друга для неё на торжище.

Да и одежду ей пора обновить! И коротка опять стала, и обносилась изрядно. Нагрудный пояс из мягкой кожи заказать надо: перси уже сквозь рубаху просматриваются! Того и гляди – скоро выпадать станут!

Мысли прервала дочка, позвавшая отца вечерять. Ужин прошел обычно. Подарков в горнице уже не было.

Утренние занятия принесли радость обоим: Ольга получила законное удовольствие от стрельбы из лука. Впервые, на пятидесяти сажнях, ей трижды удалось уложить одну стрелу в другую. Икутара же порадовали успехи дочки в выполнении ВСЕХ приемов боевых искусств, которые они сегодня отрабатывали. Наскоро, смыв пот с пылью в затоне и перекусив, поспешил в сотню.

Перед всегда открытыми воротами подворья Михея, еще при строительстве хором, установили, в две сажени высотой, вытесанный из цельного дуба, лик Перуна. По утрам, возле него, всегда собирались убогие и нищие, надеясь получить милость от сердобольных гридней и спешащих на торг прохожих. В это утро, просящих, было числом около дюжины, но внимание Икутара привлек только один. Что – то знакомое было в его облике и осанке. Лицо полностью прикрывал грязный наголовник, длани замотаны кровавыми тряпками. Одна нога заправлена под седалище, вторая вытянута вперед. Икутар замедлил шаг, но в это время трубно заревел дружинный рог и он сразу забыл об убогом.

На входе в подворье, караульный предупредил его, что старшина, по – полудни, зовет к себе. Кивнув, что указ понял, бегом устремился на площадку в общий строй.

9

Михея он нашел под полюбившимся ему, летним навесом. Несмотря на жару, старшина был облачен в войлочную поддевку, одеваемую под кольчугу, которая лежала на скамье поодаль. В усах и бороде застряли хлебные крошки, лик красный, распаренный. Но глаза, из – под густых бровей, глядят молодо и задорно. Икутар поклоном головы и сложенными лодочкой дланями поприветствовал старшину. В ответ получил приглашение, устроится на скамье напротив:

– Ну что скажешь, брат Немтырь, сколько у тебя на излечении гридней на сей день? – тот сразу догадался, что не за отчетом призвал его к себе Михей:

– Двое осталось, да и те завтра – послезавтра в строй станут. Ничего опасного у них и не было. Ушибы на играх, по собственному ротодействию.

– Вот это очень любо для меня в такое время! Ты чуешь, ветер из – за речки, с каждым днем кровью все больше смердит? Твоя опытная задница ничего тебе не кажется?

– Да всем гридням эта лепота спать спокойно не дает, каждый час ждем подвоха. Как я зрю, что – то степняки замышляют. Нам бы время и место заранее выведать, где силу скопить. Мыслию, надо конные дозоры на тот берег чаще засылать!

– Вот и я о том! Но сил нет на это. Считай: следопытов с конями на тот берег переправить – ночь! Шесть дней по степям! И ещё одна ночь – возврат на наш берег. Сколько выходит? Правильно, седмица. Абы – кого за речку не пошлешь, так? Значится одни и те же гридни в дозорном отряде оглядывают степи!

Как возвращаются – ты сам не раз видел. Не менее десяти дён потребно, что бы их ноги вспомнили, как им по матушке земле ходить надо! Лошадей сменить можно, но это крайний случай. Воин к коню привязан не меньше чем конь к нему. В степь, гридни, не в гости едут! От дружбы и понимания между ним и лошадьё, часто жизнь всадника зависит. Да и разведчик не из железа. Раз в степь сходил, два сходил, а на третий... и руки – ноги ни те, и очи замылились! И подозрительная бдительность затупилась! Поэтому отдых между выходами не может быть корче пол – луны, а подмены им нету.

Вот и приходится наряжать дозор не чаще одного раза в луну. – Достал из – под скамьи, большой, на целую четверть, глиняный, запотевший кувшин:

– Только что с ледника стряпухи доставили, добрый квасок, аж зубы ломит! Ты испей, испей, к твоему явлению готовился! Знал, что разговор у нас может затянуться. А на такой жаре – квас первое дело при доброй беседе! Ты мудрый, чай понял, о чем говорить станем? – Икутар внутренне подобрался:

– Вопросай старшина, скрывать ничего не стану! Со всей правдой отвечаю на спрос, о чем знаю, о чем слышал:

– Понимаешь, брат Немтырь, старый я становлюсь и зело любопытный! Давно мне одна мысль, покоя не дает, даже, бывает, долго заснуть ночью не могу. Ворочаюсь на лежанке, звезды, когда небо ясное, считаю. Квас попиваю, и разум свой, то в одну, то в другую сторону разворачиваю. Но разгадать загадку мне одному, не по силам! – Помолчал, удаляя крошки с бороды и усов:

– Ты уже догадался, о чем и о ком я. Не люблю я странностей вокруг моей Игрицы, а если они появляются – покой от меня уходит. А дочь твоя приемная, Найдена, прямо клубок загадок и чудес! Давай, мой боевой товарищ, как на духу, поведай старику все, о своей ненаглядной. Начни с того утра на Сивкином лугу и закончи страстями с купцом Никомотом. Ты, конечно, надежно укрыл от Ласточек жизнь Найдену, но шила в мешке не утаишь. Очами, ушами и устами наш народ не обижен! Тем более речь идет о необычной девчужке! Чудеса преследуют её при каждом шаге. Как об этом не судачить?

И эти твои отговорки о домоседстве – только интерес всего рода к находке будит. Ты в рассказе не спеши. Нашу речь ты освоил достаточно, что бы среди своих не выделяться. Чем подробнее сказывать будешь – тем глубже мы в тайну с тобой проникнем.

Не враг я вам, а истинный старший друг! Поэтому вспоминай все мелочи в её повадках, разговорах и её способностях. Глядишь, что – то новое в найдениной судьбе и откроется. Времени у нас много: я к этому разговору долго подбирался.

Мешать нам не будут. Если только гром из – за реки не грянет. Попей кваску, пока холодный: добрый квас ноне! На хрене выдержан. Да и начнем, благословясь!

По началу Речь Икутара – Немтыря бала корявой, с частыми остановками. Михей его не прерывал и постепенно она выправилась. Потекла гладко, перестала запрыгивать наперед, а потом возвращаться к началу. Из неё исчезли ненужные подробности, собственные Немтыря предположения и догадки. Если к их занятиям на поляне, старшина отнесся почти с безразличием, то история с Никомотом, явно взволновала старого воина. Дважды он прерывал рассказ при упоминании об возможностях Найдены дышать под водой:

– Еще раз поясни: вдыхать носом воду, а из уст выпускать пузырьки? И снова:

– Сколько она так может пробыть без воздуха? Когда выныривала, не кашляла, задышки не было?

К появлению на безымянном персте шуйцы странного перстня – отнесся без внимания. По окончании рассказа, Михей поднялся с лежанки и молча начал мерить шагами деревянный настил под навесом. Успокоившись, вернулся на старое место, набулькал полную кружку кваса, выпил одним духом, промокнул рукавом усы:

– За всю свою жизнь не доводилось слышать ничего подобного! Если – бы про такие чудеса мне поведал не ты, то сказочнику за такой повет – всю задницу конской плетью на ленточки распустил. И дорогушей солью сверху присыпал!

Надо же, происходят все эти небылицы, не где ни будь, а у меня в Игрице! Своих бед, хоть черпаком хлебай, а тут тебе еще загадка, куда завлекательней, чем пропажа степняков! – Отвечать Немтырю было нечего. Вроде и вины его и дочери во всем этом не просматривается, а на душе, как – то совестно. Старшина поскреб затылок:

– Вот как мы с тобой решим, друг ситный. Завтра, по – утра, явишься на подворье вместе со своей кудесницей. Время пришло: не можно её далее от народа прятать! Пусть будет готова показать, чему ты её выучил. Знай, это не ярмарочные забавы – это есть настоящая служба! И если, хотя – бы половина её дара нам на пользу, то хорошую воительницу ты взрастил и воспитал! А где место воина? Правильно: в дружине!

Есть люди, которым судьбой прописано: землю – матушку родную, стариков да детей малых – от ворога беречь! Живота своего, не жалея! Думаю, что это тот случай. Ступай с богом, жду вас по – утра.

Ольга обратила внимание на странную задумчивость отца, когда он раньше времени появился в избе. Ярила, только половину дневного пути прошагал, а Икутар уже дома. Такого раньше она не помнила!

Интерес свой не показала, даже заметив, как он из сундука вытащил отрез тонкой кожи, подаренный купцом Никомотом. Завернул его в холстину и направился в сторону городища. Нужно будет – сам все растолкует!

По его приходу, она прервала свои дневные занятия. Но не получив никаких разъяснений и указаний, с его уходом, вновь взяла лук в руки. Успехи в стрельбе поражали саму лучницу. После меткой стрельбы с пятидесяти саженей, решив улучшить результат – установила щит за оградой подворья. Отмерив восемьдесят саженей. Первая пущенная стрела легла точно в круг, зачерненный углем и размером с мелкую тыкву. Вкладывая в тетиву вторую стрелу, вдруг, поймала себя на мысли, что заранее знает, какое место она отыщет себе на щите. Скрип-

нул костяными накладками напружиненный лук. Низко загудела отпущенная тетива, разгоняя стрелу в сторону мишени.

– Эх, надо было на пол – вершка правее целить, боковой ветер мешает выстрелу! И мысленно подвинула, уже летящую стрелу, вправо. Услышав щелчок, оповестивший об окончании её полета, Ольга точно знала, что выпущенная вторая стрела – срезала оперение первой! Повторив стрельбу с дюжину раз – в полной растерянности убедилась, что может управлять линией полета стрелы. Перемещая её так, как она желает.

В голове сверкнула невероятная догадка. А ведь такая точность попаданий у неё открылась сразу после того, как на шуйце появился странный перстень из коробочки с полумесяцем! Проверить свое озарение она могла только одним способом: освободиться от перстня и продолжить стрельбу без него. Но сделать этого не было возможности. Для освобождения пришлось бы отрубить перст, иначе его не снять! Подумав, решила отцу о своем открытии не говорить: у него своих хлопот полон рот.

Ольга уже начала волноваться: подошло время вечерних занятий, а отца все не было дома. Они с Домной сидели на лавке возле ворот. Строили планы об использовании для нарядов дорогушей материи, подаренной щедрым Никомотом, а сами, тайком друг от друга, высматривали тропинку, на которой должен появиться Икутар.

В последнее время, Ольга стала замечать: события в её жизни, как с цепи сорвались! Что ни день – новая неожиданность. Никомат с подарками и чудесный перстень. Неожиданная меткость в стрельбе. Странное поведение отца сегодня. Повторное, за два дня, отсутствие вечерних занятий на поляне. И не одного вразумительного объяснения происходящему. Сердце замирало от предчувствия больших перемен в её судьбе.

Хозяин появился на тропинке, когда пропали вечерние тени. На плече у него висела объемистая, холщевая торба. На лице не было привычной для него улыбки. Дойдя до ожидающих женщин, молвил:

– Пойдем вечерять, опосля важные новины для нас обсудим!

– За столом стояла непривычная для таких случаев тишина. Ели без охотки, не замечая, что каждый из них спешит быстрее покончить с трапезой. Пока Домна прибиралась со стола, Икутар подал принесенную торбу Ольге:

– Сходи примерь обновки и покажись нам! – Воспользовавшись её отсутствием, Домна осторожно поинтересовалась:

– Что – то случилось? Мои очи зрят, что сегодня, ты сам не свой.

– Случилось! Прозрение на меня нежданно нашло: наша отроковица стала взрослой, а мы с тобой этого даже не заметили! – Вздыхнул тяжело, развернулся на скамейке ликом к входной двери:

– Время как быстро бежит! Кажется совсем недавно – только чело над столом возвышалось, а сейчас перси под рубахой не спрячешь! А когда повествует про бытие – настоятеля горного монастыря иногда вспоминаю! Тот часто, без ответов на его вопросы, меня оставлял. Не знаю, сколько зим ей на самом деле. Но только сегодня понял – подошел срок птенцу родовое гнездо покидать! Радоваться нам с тобой сему надо. Такую отроковицу вырастили! А за место этого, лично у меня, тоска черная душу одолела. Умом сознаю: так оно в жизни и должно быть, а нутро противится! – Домна тоже тяжело вздохнула:

– И меня часто по ночам, думы о тебе, про нашу девочку, про нашу жизнь совместную одолевают. До вас, украдкой плакала в подушку о женской доле своей, одинокой. Смирившись с судьбиной – старела, как нам всем положено.

А с появлением в избе Оленьки, вкус к жизни обрела заново! Глядячи, как зреет из занесенного зернышка росток, как листочками обзаводится, как бутончик выбросил – светлой радостью каждый прожитый день наполнился! Да и за тебя рада была. Сжалились боги за испы-

тания тебе выпавшие – подарили счастье земное. И мы с тобой должны быть благодарны им до самого гроба. За – то, что вспомнили о нас и даровали нам счастье великое: познать любовь к ближнему! – Домна всхлипнула и промокнула очи уголком платя.

– А вот и я: – излишне громко, появившись из двери, возвестила о себе Ольга. Видно, волнение старших, передалось и ей. При свете лучин её было не узнать. Поджарая, стройная, как молодая волчица. В новых кожаных портах по щиколотку, в такой – же безрукавке, надетой поверх светлой льняной рубахи. Волосы собраны в тугую косу, на ногах крепкие кожаные башмачки. На шуйце, красными искрами полыхает купеческий перстень. Некоторое время, сидящие, молча глядели на смущенную отроковицу.

Икутар кивнул головой, оробевшей от внимания своей любимице, что – бы подошла ближе к столу, где света от лучин было больше:

– Покажи мне поближе Никомотов подарок! Показалось мне, что черные камни на нем – красным светом засветились. – Она протянула к лицу отца шуйцу с перстнем. Сейчас он, как обычно, отсвечивал только серебряным блеском:

– Странно, ничего похожего. Видно – показалось! Или отблеск от лучин такую шутку сотворил. – Домна, хотя и видела красные всполохи – про то промолчала.

– Выслушай меня очень внимательно, дочка! У меня сегодня, долгий разговор затеялся с нашим старшиной. Про тебя подробности выпрашивал! Я без утайки, ему про твою жизнь, все, что сам знал, в мелочах доложил. Ведает ныне Михей и о наших с тобой занятиях на поляне, и о твоих успехах в ратном учении. О твоих способностях двигаться быстрее зверя лесного. О недавно открытом умении дышать под водой. Зело дивно ему было слышать такое, о найденной много зим назад девчонке!

С тем наказал мне завтра по – утру, представить тебя перед его очи. Сам желает беседу вести с тобой и в деле твои возможности зреть.

Из нашего с ним разговора, уразумел я, что темных замыслов к нам он не пытается. Но интерес к тебе имеет знатный. Иначе не стал, в такое тревожное время, отвлекаться от службы. Нужна ты очень ему для дел ратных! Да и самому мне зрелая мысль, после нашего с ним разговора, открылась. Выросла ты уже из рубахи и детских портов! Вольно или не вольно, но выбрали мы с тобой нелегкую дорогу воительницы. Тайные знания монастырские я тебе передать успел, крепко ты их усвоила. А какие не до конца осилила, так это вопрос времени. Тут в моей помощи ты не нуждаешься.

Созрела пора переходить от одиночных занятий – к строю. От поединков, со мной и тенью, на деревянных мечях – к заправдешным схваткам. Со многими соперникам и на булате. К познания в бою локтя побратима по дружине. К умению услышать и выполнить команду десятника.

Науку эту постичь не легче, чем те игры, коими мы с тобой многие годы занимались! Да и с боевым конем пора тебе знакомиться – верховой бой для тебя еще темный лес: – Говоря это – глядел прямо в зеленые очи своей, теперь бывшей, ученицы. И та – взгляд выдержала.

– Мы тут с теткой Домной, пока ты в обновки облачалась, взгрустнули по тому, как быстро течет время. Как скоро дети уходят из родного дома во взрослую жизнь. Так уж наш мир боги устроили и не нам противиться их воле. Помни Ольга, ты идешь в новое с тем, чему мы тебя учили. Используй это для того, что – бы уметь отличить добро от зла, правду от кривды. За себя ты всегда постоять сможешь! Так стой же и за слабых и обиженных, за детей и стариков, за род, принявший тебя. За землю, приютившую сиротку в трудную годину!

Мы с Домной постараемся быть всегда рядом, а когда ты будешь далеко – мы будем молиться богам о скорой с тобой встрече: – По мере, как продолжалась речь, голос Икутара густел, превращался в жесткий звон булата. Последние слова были произнесены так, что длани непроизвольно начинали искать отсутствующую сейчас, рукоять боевого ножа или меча. Его напутствие закончила взволнованная тетка:

– Оленька, цветочек наш ненаглядный! Знай, что в этом, богами даденном нам мире, есть двое твоих рабов, которые всегда готовы отдать свои жизни, что – бы продлить твою! Пока мы с твоим отцом живы, наши души будут связаны неразрывно и в горе и в радости!

Трое близких людей, в свете лучин, стояли лицом друг к другу. Глаза туманились от нахлынувших чувств, сердца учащенно бились в едином порыве. Молча взялись за руки. Все было сказано и все было понято! Казалось, что через длани, от одного к другому, течет живительное тепло, несущее и нежность, и надежду. И безмерное чувство любви к ближнему. Первым, очнувшись от сладостного наваждения, разорвал руки семейного круга Икутар. Скрывая смущение, хриплым от волнения голосом изрек:

– Там в торбе, для тебя дочка, еще сшитая из мягкой кожи, грудная повязка приготовлена. Лишняя защита не помешает. Да и девичьи перси от пытливых мужских очей надежно скроет. Тетка Домна поможет тебе её на тело приладить и завязки на спине завязать, что – бы кожу не терли.

10

Утро, из – за занятий на поляне, казалось, нескончаемым. Прохладный ветерок гнал над Ратынью пушистые белые облака, Высоко в небе быстрыми молниями гонялись за мошкаркой прародители их народа – береговые ласточки. В кронах цветущих лип гудели, собирая медовую пыльцу, трудяги пчелы.

Домна развешивала для сушки пучки лечебных трав, собранных на заливном лугу, недалеко от пристани. Сейчас, для многих них, наступал самый сезон сбора.

Ольга, привыкая к новым ощущениям от обновок, в ожидании отца, сидела на траве, в тени старой липы. Больше всего хлопот доставлял тугой широкий лоскут кожи, охватывающий грудь под рубахой.

Казалось, напряженное предчувствие новой жизни, густо пропитало летний воздух вокруг подворья. Страх не было и в помине. Было страстное желание оправдать заботы и усилия самых близких ей людей. Вложивших в её короткую жизнь, столько своих сил и времени.

На крыльце появился Икутар: новые порты из коричневой кожи, заправлены в черные, короткие сапоги с узкими голенищами. Просторная рубаха тонкой домотканой шерсти; широкий, из воловьей кожи пояс, на узкой талии, Добротный меч в ножнах без прикрас. На голове простая шапка из толстого войлока. Усы и борода коротко подрезаны, коса перевязана черной лентой, и конец её прячется под воротом рубахи. Окинул дочь оценивающим взглядом. Остался доволен: не просто воительницу взрастил – красавицу! На любой взгляд!

– Ну что доня, не робей: с помощью твоих и моих богов правда будет за нами!

Подворье Михея гудело, как растревоженный улей, из уст в уста передавалась главная утренняя новина. Немтырь на службу пришел с дочкой, от которой, очи не отвести! Сейчас с ней беседу ведет старшина, а затем её будут знакомить с дружиной.

Откуда просочились известия – не ведомо. Дружинники приводили в порядок одежду, чистили от пыли обувь. Некоторые смачивали водой из бочки непослушные волосы и пробовали с помощью гребня привести их к покорности. Младшие гридни, а это были, в основном, отроки, отцы которых были постоянно заняты в княжеском войске, с открытыми ртами слушали небылицы об Найдене. От тех, кто помнил её в давние времена по детским забавам.

Кто – то пустил слух, что после разговора с Михеем, дева выйдет на поединок без оружия с любым младшим дружинником. Кто этого пожелает. Принесшего эту весть подняли на смех. Где это видано, что – бы девица, со специально обученным, пусть и младшим гридем, в борьбе состязаться решилась! Особо веселился, самый рослый и всеми уважаемый в младшей дружине, пятнадцатилетний Лутоня. Сын десятника в сотне Вяхиря – Балабана.

Лутоня по весне заслужил право, с одним ножом, сходить в лес на медведя. Это было обычное испытание для любого отрока, отмерявшего пятнадцать зим, перед вступлением в старшую дружину. Три дня и две ночи понадобились ему, что – бы вернуться в Игрицу с медвежьим ухом и клыком! Который при помощи толстой нитки, победитель имел право носить на груди. Как выдержавший испытание, он уже этой зимой станет в один ряд со взрослыми гриднями.

Именно на него во все очи глядели его младшие побратимы. Кому, как ни ему показывать молодецкую удачу в поединке! А после его слов: «Не дело воина с бабами яриться!» – уважение к нему еще более выросло.

Оставаясь в неведении, служивые продолжали галдеть на подворье, ожидая появления старшины и Немтыря с приемной дочерью.

Утром, Михай перед маленьким бронзовым зеркалом заканчивал расчесывать бороду, когда под навесом, объявились приглашенные. С интересом оглядывая прибывших отца и дочь, обошел их по кругу и остановился в шаге, напротив Ольги. Отроковица ничуть не смущаясь, в свою очередь, не сводила своих зеленых очей с грозного старшины. Судя по их выражению – старик ей нравился.

– Так – так, вот значит, какая ты стала, наша неожиданная находка! Встретил бы тебя одну – ни за что не узнал! Я ведь тебя помню вот таким серым утенком! А тут белая лебедушка во всей красе! Имей я неженатого сына, уже завтра сватов – переговорщиков к твоему батюшке отправил:

– Михай явно балагурил и всячески старался отдалить время главного разговора. Поскреб перстами затылок и решился:

– Мы тут с твоим отцом не далее, как вчера, почти до полдня о тебе вспоминали. Как ты у нас объявилась. Как вращалась корнями в наш род. Как жилось тебе до этого дня! И, что самое обидное, по окончанию нашего разговора, понял я: не насытил мое старческое любопытство к тебе, уважаемый всеми нами, мой справный дружинник! Занесенный жизненными ветрами на наши земли с далеких островов. И не потому, что хотел от своего старшины секреты скрыть, а потому – что сам не много больше меня о твоём прошлом знает. И о нынешних чудесах, с тобой происходящих, объяснить не может.

Сама должна понимать дочка, чем глубже скрыта тайна, тем больше хочется до самого доньшка добраться, до самой истины докопаться! Вот и порешили мы с твоим отцом собраться втроем. Вместе, да по мере наших сил, загадку эту давнюю, попробовать осилить. В скудоумии нас обвинить, чай не можно! – пытливо заглянул в очи, Найдены.

– Не знаю чем смогу помочь тебе, дядька Михай. Не помню я ничего о своем малолетстве! Память моя только после Сивкова луга начинает откликаться, а до этого – сплошной мрак. Да и про свои способности нечего мне молвить. Само собой все выходит, как – будто я это с рождения умела. А еще многому меня отец научил. Руки и ноги для боя правильно поставил. Испытай – сам оценишь.

– Ну до испытаний мы еще дойдем, опосля. Мне вот вчера, на закате, мысль пришла в голову: а не посмотреть ли нам место, где тебя батюшка в то утро обнаружил? Пройтись по лугу, наведаться в Лукмышский лес. Вдруг, что интересное узрим? В тех местах, после того, как ты объявилась, никто не осматривался! Мнится мне, что начинать спрос надо всегда с самого начала. Заседлаем коней, и по свободе, на денек отлучимся. Оставлю за себя сотника Вяхира, авось за такой малый срок ничего не случится.

Ну как вам мой посыл? Если решили к разгадке близиться, то начинать с чего – то же надо! – Ольга, не задумываясь, закивала головой: дала согласие и за себя и за отца.

– Вот только верхом на лошади я никогда не пробовала.

– Не беда, я тебе смирную кобылку подберу, как младенец в колыбельке себя чуют будешь! Состязание в скачках мы затевать не станем, по – тихому, до места доберемся: – Михай довольно топнул ногой.

– На том и порешим: ждите моего сигнала к походу, как только дела свои улажу. Ну а теперь самая пора нам к дружине наведаться. Пока эти жеребцы, своими сапогами, площадь в пашню не превратили. Хочу я предложить тебе дочка, легкий поединок с каким – либо младшим гридем. Если сможешь, постарайся чтоб он пыль площадную спиной собрал! Тогда и друзья его, свои сопливые носы, уймутся задирать. А ты брат Немтырь рядом со мной будь. Если что не так – знак подашь – я немедля вмешаясь.

Площадь для воинских забав была густо заполнена возбужденными зрелыми, молодыми, и юными, дружинниками. Гвалт стоял такой, что отдельных слов не разобрать. Смех волнами катился от одного края толпы к другому и обратно. Кто – то пытался петь, кто – то плясать.

Но без поддержки товарищей, попытки быстро угасали. Сотники в общем веселье участия не принимали, но и настроения, своими запретами, не портили. Нежданно ставшая свободной, от всяческих занятий дружина, ожидала зрелища.

Впереди грузно ступал старшина, за ним бок обок – держались Найдена с отцом. По мере их приближения к площади – смех и разговоры начали стихать. А затем и вовсе, над толпой повисла полная тишина. Сотники, вспомнив о своих обязанностях, резво выстроили своих воинов полукругом, вдоль утоптанного до твердости камня, места ратных занятий.

На границах площади были установлены щиты для метания топоров, ножей и сулиц. Туго набитые соломой чучела для обучения копейному удару. Далее, почти у самой ограды подворья, укреплены толстые маты из камыша. Для стрельб из лука – догадалась Ольга. Камыш ведь не портит наконечники стрел. Прикинула дальность до них: сажений семьдесят, не меньше.

Михей вышел в центр и стал в десятке шагов от строя:

– Слушай меня воинство! – Обвел взглядом, застывших в шеренгах гриден. По левую руку от него замерли сотни Симака и Выхира, по правую руку, замыкая строй, притулились две малые шеренги, разномастно одетых, отроков из младшей дружины:

– Все мы вельми хорошо знаем нашего побратима по оружию и искусного лекаря Немтыря. Не раз стоял он с нами плечом к плечу в сечах. Дрался с ворогом знатно, спину ему не казал! Многих пораненных и увечных в боях, поднял на ноги и поставил снова в строй! За это отдельный поклон ему от нас! На слуху в нашем роду и удочерение отроковицы, им же найденной, много зим тому назад.

Прошло немало времени, и сегодня я увидел, что из утенка выросла лебедушка! Которая не только шипит, вытянув шею на недруга, но и долбануть клювом может так, что мало не покажется! Зовут дочку Найденной, Сами понимаете, почему такое имя дадено.

И вот отец надумал, когда она еще под стол пешком ходила, что не лишним будет обучить её всяким воинским искусствам! Чтоб за себя постоять умела! А если нам с вами в сече совсем невольно станет – выручила дружину в трудную годину! – По рядам стоящих воинов, прокатился смех.

– Задумка моя такая! Выставить её для легкого, не оружного поединка с гридем младшей дружины. Авось новое, что увидим, чему её батька обучил: – обернулся к стоящим поодаль приглашенным:

– Выходи перед очи молодецкие, дочка! Будем тебе жениха, тьфу ты, поединщика подбирать! – строй вновь отозвался смехом.

Ольга ровным шагом подошла и остановилась по правую руку Михея. Страх не было. Но волнение накатило так, что во рту пересохло. Справа налево обвела взглядом, стоящие шеренги. Чему – то усмехнулась. Вспомнив напутствие отца: показать все, на что она способна – успокоилась. Без малого двести пар очей разглядывали стоящую перед ними, облаченную в кожу, молодую девицу. Бойца перед собой не узрели. Скорее виделась миловидная, стройная отроковица., которую, каждый молодой воин, не прочь взять под свою защиту. Даже Михей залюбовался, стоящей чуть впереди него Найденной:

– Ну что, Лутона, выходи к нам! Тебе я решил доверить честь, провести поединок по всем нашим правилам!

Молодой кметь, печатая шаг, стал напротив старшины. Русые волосы свободно падают к плечам. На лице, пока еще редкие, светлые усы и бородка, На поясе короткий нож. Очи смотрят смело, без подобострастия:

– Прости старшина, мнится мне, что не честное дело воина, с девами яриться. Откажи мне в этом баловстве. Все наши боги, думается, тебя поддержат. Прикажи сейчас на любой подвиг во славу рода пойти – исполню! А тут я – не герой: – опустил на одно колено и склонил голову.

От изумления, у Михея язык к небу прилип, мохнатые брови на лоб полезли. Как мог ему, старшине, перечить гридь, пусть уже не младшей дружины, но еще непосвященный в старшую. Лицо старика стало багровым: и все поняли, зная крутой нрав старшины – грозы не миновать. Неожиданно, мгновенно прочитав ситуацию, вмешалась Ольга. Если Лутоня станет против неё – то будет бит. Помня напутствие отца, показать все, на что она способна – надежды на успех в схватке, у молодого гридня не было и в помине. А как отразится, на его рождающемся авторитете, поражение в схватке с отроковицей? Как его самолюбие перенесет такой удар?

– Дядька Михей, не смогу я с этим воином, в полную силу, ответственный поединок вести! Мы с ним знакомы еще по детским играм, дружили в давние времена. Мне трудно настроиться на соперничество против хорошего знакомого. Сделай послабление: позволь самой выбрать соперника, против которого собраться для поединка мне будет легче!

Старшина громко сопел, борода еще воинственно задрана к небу, но цвет лица от свеклового, постепенно, переходил к нормальному. Остыв, махнул Лутоне, отсылая того на место, обернулся к Немтырю с немым вопросом. И уловил ответ в коротком кивке головы: поступи, как просит Найдена.

Ольга выбрала правое крыло, где строй дружины начинали шеренги сотни Вяхиря. Медленно пошла перед воинами, заглядывая каждому в очи. Пройдя почти до середины построения вяхиревских гридней, вдруг почувствовала морозное покалывание перста на шуйце. Знать перстень о чем – то предупреждает! Не раздумывая, остановилась и объявила Михею:

– Вот мой соперник, с ним тягаться буду! Без послаблений! По правде!

Вздых удивления и отчаяния полутора сотен растерянных гридней вспугнул ворон, гнездившихся на растущих возле конюшен, деревьях. Со всех сторон слышалось: «Что она придумала, это же Алкун, куда она против него! Он же её пополам сломает, как тростинку! Он же жалости в поединке не знает! Ему все одно: что секурт, что свой! Он же в противоборстве, против трех бойцов победителем выходит! Он же... он же.... Он же.....» Старшина замахал руками, даже тихо застонал:

– Окстись, дочка! Ты что не зришь, кого в соперники выбираешь? Осмотрись внимательно: он на две головы тебя выше, и тяжелее в три раза! Разуй очи, открой разум!

Очи у Ольги были открыты, и смотрели прямо на стоящего перед ней здоровяка. Но, почему – то поменяли цвет с густого зеленого – на темно желтый с искорками. Не ведали стоящие на площади дружинники её характера. Приняв решение – она его почти ни когда не меняла. Дождавшись тишины, ровным голосом, не поворачивая головы, отчеканила, как отрезала:

– Я свой выбор сделала. Вы пожелали увидеть, чему меня научил мой отец – я вам это покажу! Именно такой богатырь для поединка и нужен. Он уверен в своих силах. И я знаю свои возможности! Не надо мне перечить! Если славный воин, по имени Алкун, не погнушается схватки с отроковицей – значит, этого поединка хотят наши боги.

Безмолвная дружина, с заметным волнением, ждала ответа Алкуна на вызов отчаянной девчонки:

– А я что: я согласен! Мне все одно кого порвать! На бой не напрашивался – она сама меня вызвала! Пусть теперь не скулит! Раз запросила без послаблений – жалеть не буду. Забью в землю по – самую маковку!

Негодующе взревели голоса сотни гридней. На попытки Михея взять случай под свой надзор – внимания не обратили, Вяхирь с десятником что – то пробовали втолковать, невозмутимо стоящему Алкуну, но их было не услышать. Немтырь поднял вверх руку, призывая к порядку. Поначалу никто жеста не заметил, но, постепенно, шум стал утихать. Дружинники, первые заметившие обращение к ним отца Найдены, стали призывать к порядку, расходившихся рядом соседей. Взоры воинов теперь обращались, к стоящему с поднятой рукой и ожи-

дающему полной тишины побратиму. Понимая, что от его решения зависит судьба поединка. Уже при полном безмолвии, услышали его голос:

– Я привык доверять во всем своей дочери, и если она остановилась в своем выборе соперника – перечить ей не стану! Поединок состоится по правилам, которые они согласуют между собой и будут утверждены уважаемым старшиной. А судьбу ристалища – решат боги: все в их руках! Если Михей одобрит состязания – готовьте площадку.

11

После не долгого суждения с поединщиками, условия схватки были обговорены и одобрены. Дружинники освободили пятак, примерно четыре на четыре сажени, обступив его плотной толпой. Первые ряды заняли наиболее уважаемые и возрастные. Для старшины подготовили короткую скамейку. Для Немтыря – оставили место подле неё.

Соперники тоже время не теряли. Ольга сняла безрукавку и башмаки, заправила косу под рубаху и повязала на чело узкую льняную повязку. Что – бы волосы и пот не застили очи. Алкун, отказался только от рубахи, полностью обнажив, покрытое внушительными буграми мышц, тулово.

Возбужденные предстоящим зрелищем, дружинники, оборачивались в сторону, готовившейся к схватке Найдены, возле которой, сложив руки на груди, неподвижно стоял отец.

Чем занимался Алкун – никого не заботило. Симпатии почти всех присутствующих, были на стороне отроковицы, но никто не высказывал ни каких предсказаний о результатах схватки. Они были ясны для всех. Но что это будет не состязание, а просто избиение – никто не сомневался. Но никто не знал, как его предотвратить!

Алкуна в семье гридей уважали, но сторонились, а многие откровенно опасались. Он и сам не навязывался на дружеские отношения, был нелюдим, замкнут, молчалив. Икутар с ним, по службе, пересекался редко. При встречах приветствовал, но в разговоры не вступал.

Пересуды о нем, среди служивой братвы, не приветствовались. Все знали, что единственным близким существом для него был его боевой конь Арат, возле которого он проводил все свободное от службы время.

В памяти у сослуживцев, оставался случай. Тогда, стоящая в соседним деннике, молодая кобылка Бона, заигрывая с жеребцом, до крови прокусила тому плечо. Рана загноила и Алкун много времени потратил, ухаживая за своим другом. Ежедневно промывал мочой и отваром, из только ему известных трав, воспаленное место. Менял повязки и скармливал весь хлеб, который ему полагался по дружинному пайку.

Хозяин Боны, молодой дружинник Ваган, предложил свою помощь по уходу за болящим. Но наткнулся на такой взгляд хозяина, что охота помогать напрочь пропала.

Когда опасность заражения прошла, и от раны оставался один розовый рубец – случились страшное. Алкун зашел в денник Боны и со всей мочи ударил её кулаком в лоб. Кобылка села на задние ноги и потом завалилась на бок. Бросившегося на выручку Вагана, он поднял на вытянутые над головой руки и грохнул об настил так, что конюхи его пол – дня водой отпавали. Бона выжила, но от строя её отлучили: задние ноги стали плохо слушаться.

От старшины этот случай скрыли, но от Алкуна стали шарахаться, как от прокаженного. Чего сам он, кажется, и не заметил.

Вот в сечи он был не заменим! Всегда первым бросался в самое пекло. Был вынослив, не обращал внимания на боль от ран. В битве заводил себя в такую ярость, что не мог сам остановиться. Даже по её окончанию.

Продолжал рубить, уже лежащих на земле, раненых и мертвых. Страшен был он в этот час! Очи безумные, рот перекошен от жуткого рева, на губах густая пена. От горячего тела валит пар с резким, звериным запахом пота. Успокоить его можно только одним способом: стащить с седла арканом и вылить на голову ведро холодной воды. После такого купания, какое – то время гридни обходили стороной, дрожащего всем телом, мокрого товарища по оружию.

И вот такого воина выбрала себе в соперники Ольга.

К поединку все было готово: Михай занял свое место на скамейке, по правое его плечо пристроился Немтырь. Дружинники в пол – голоса переговаривались, бросая косые взгляды

в сторону Алкуна. На что он не обращал ни какого внимания. Ольга спокойно стояла в своем углу; в сторону отца не смотрела. По сигналу старшины вышла на центр площадки, ожидая соперника. Алкун остановился в сажени от неё и заиграл литыми мышцами. С жалостью и ужасом наблюдали за началом поединка присутствующие. Ну не выглядела достойным противником хрупкая отроковица! Против громадного, полного животной силы и уверенности в легкой победе, тридцатилетнего, опытного воина!

Не дождавшись встречных действий – Алкун ринулся вперед. Это всё: подумалось многим. Сейчас он её просто стопчет. Но, к общей радости, просчитались. То – ли напавшего подвел глазомер, то – ли Найдена сместилась чуть в сторону. Атака прошла мимо! Более того, оказавшись у Алкуна за спиной, девчонка наградила его обидным пинком, пониже спины!

Служивые шумно выдохнули: ничего ещё не закончено, самое интересное впереди!

Нападавший, проскочив мимо, с трудом, сохранил равновесие. Остановился и резко развернулся на каблуках. Отроковица стояла на месте в той же расслабленной позе.

Новый бросок и тот же результат! Перед очами никого, Найдена за его спиной! Но вот второй пинок пониже спины – значительно увесистей. Служивые улюлюкали от восторга, Михей растерянно тряс головой. Немтырь улыбался. Все поняли: девчонка просто насмеяется над грозным воином!

Следующие две попытки, раздавить напором шустрого воробышка, закончились тем – же. Только пинки под зад становились значительно резче, шумнее и обиднее. А при последней атаке, в дополнении к пинку, боец получил чувствительный тычок в горло, заставивший его зайтись кашлем.

Очи у Алкуна начали наливаться кровью, ярость плеснула в голову, но контроль над собой еще не потерян. Больше никаких стремительных набегов! Надо просто оказаться вблизи, поймать или за руку, или за ногу, или за шею и разорвать на части!

Оказаться на расстоянии вытянутой руки получилось действительно просто, но вот провести захват не удалось. Руки рассекли воздух, а отроковица, незаметным для очей, движением тела, вновь оказалась у него за спиной. Удар под левую коленку лишил человека – гору равновесия, и тут же последовал мощнейший удар правой, босой ногой по корпусу ниже ребер! Алкун грузно завалился на правый бок. Тело парализовала острейшая боль, с шумом вышел воздух из легких, навалилась темнота. Все! Поединок окончен!

Рев ликования толпы на пристани, когда та выражала восторг по возвращению из глубины нырятьщицы, сейчас показалась Ольге тихой детской радостью. По сравнению с тем, что творилось на площади! Дружинники, не слыша друг – друга, орали во все горло! Смеялись, обнимались, прыгали на месте. Воронье, поднявшееся от испуга со всего городища, закрыло пол – неба.

Михей большим платком вытирал слезы, выступившие от счастливого смеха. Немтырь – улыбался. Никто, кроме Ольги, не обращал внимания на поверженного. Он, начав приходить в сознание, пытался встать на колени. Когда мощный, закаленный в битвах организм справился со слабостью, Алкун поднялся и выпрямился во весь рост. Красными от ярости и ненависти очами уставился на соперницу. Из рта по подбородку на грудь потекла зеленоватая пена, скрюченные персты шарили за голенищем правого сапога. Стоящие в первых рядах узрели непотребство и возмущенно рванулись к предателю, но было уже поздно! Обоюдоострый засапожный нож, направленный в горло отроковице умелой рукой – свистнул в полете.

О чуде, которое сотворила приемная дочь Немтыря, потом долгие годы будут передавать из уст в уста жители Игрицы. Как это она сделала – человеческое око не выследило. Вроде – бы она на миг исчезла! А когда объявилась – нож Алкуна уже был в поднятой для броска руке Найдены! Ответ не заставил долго ждать. Короткий взмах руки и Алкун схватился за левое ухо. В горячке не понял, что под перстами пустота, а по щеке течет что – то горячее. С десятков

подоспевших гридней сбили его с ног. С громадным трудом, после яростной свалки, скрутили руки и ноги.

Медведем ревел Михей:

– В кандалы его, волка бешенного! В клеть под замок! Вяхирь! В караул, по трех в смену, самых грозных своих людей выдели! Очей с него не спускать до братского суда!

Дружину раскачивало как долбленку на крутых волнах, трясло как в лихорадке. Из рук в руки передавали, измазанное в крови и в пыли, ухо Алкуна, подобранное на месте поединка. В десятый и сотый раз пересказывали подробности схватки, которую каждый зрел по – своему и, поэтому, обраставшую все новыми и новыми подробностями.

Старшина лично усадил героиню на свою скамейку, кто – то из гриден, принес снятые перед поединком, башмаки и безрукавку, кто – то кувшин кваса. Отец, молча, стоял рядом и только едва заметные капли пота на окаменевшем лице, говорили о его внутреннем напряжении.

К Михею пробился Лутоня. Что – то передал ему, завернутое в тряпицу. Нашептал на ухо и скрылся в гомонящей толпе. Старшина приосанился, разгладил чесаную бороду:

– Ну, ты и дала чаду, дочка! Почти пять десятков лет прожил, а такого потешного боя ни разу не зрел! Заставила, старика, и поволноваться и порадоваться и удивиться. Всякий расклад от твоего соперничества полагал! Но что этакого сохатого сможешь завалить за три мгновения, да еще из кровавого окончания схватки с честью выйдешь – даже в чудном сне представить себе не мог!

Как же я клял себя, когда вас вместе на площадке узрел! Думалось, погубил старый дурак, отроковицу, согласившись, на состязание, с этим убогим на разум! Только опосля начала схватки, мысль возникла: не может окончиться тяжба честно и любовно! Не тот человек Алкун, что – бы оставить в живых, или на край – не покалечить врага. А для него любой ставший перед ним для борьбы – враг. Прямо морок какой – то на меня нашел. Запомню, что уж года три, никто из дружины в воинских играх супротив него не выходит!

За поножовщину против своего соплеменника – судить будем зверюгу всей дружиной, хотя понимаю: не нашего он рода. Он из племени барсуков, что в лесах, вдоль Смиглых болот обитает. Но все одно: суда достоин! В одном княжестве живем, по единым законам правду блюдем. Ничем нельзя такое непотребство оправдать!

Непривычно было видеть, рядом стоящим дружинникам, излишнюю суету и многословность всеми уважаемого старшины. Обычно скупой на поступки и речи – сегодня сам на себя не походил:

– Позволь, дочка, вручить тебе первый боевой приз, в честном бою тобой заработанный. Гордись своим ненаглядным чадом, брат Немтырь, славную воительницу вырастил, за что тебе поклон земной!

Персты немного подрагивали, когда он разворачивал тряпицу, из под которой тускло засверкал клинок.

Принимая награду – убедилась: тот самый засапожный нож!

– Рано тебе кланяться нам с дочерью старшина! Не заслужила пока Найдена таких почестей. Велика ли заслуга, свирепого от ярости воина, уму разуму поучить? Не все, что позволено в доброй битве – применимо в честном поединке.

В сечи твою ошибку боевые побратимы могут исправить. А вышедши один на один – только на себя надежда. Тут безрассудная ярость только помеха! Вот и поплатился Алкун за нехватку холодного разума и порядка в душе: – Икутар, повел головой в сторону и глазами показал, что просит отойти Михея в сторону, для разговора, где нет лишних ушей. Вышли из толпы шагов на десять и тихо, без жестов, о чем – то зашептались.

Ольга обула башмаки, накинула безрукавку, завернула нож обратно в холстину и поднялась со скамейки. Толпа гридней вокруг неё не редела. Некоторые продолжали обсуждать между собой поединок, другие пытались завязать разговор с победительницей, а многие, просто глазели на живое чудо. Как из – под земли перед ней появился Лутоня. Был он по – взрослому серьезен и, как показалось ей, немного смущен.

– Прости Найдена, но ты, наверное, ошиблась, мы в детстве знакомы не были, или может я что запамятовал?

– Может и ошиблась, зим немало прошло от времени детских забав. Тогда мы все другими на лица были. Да и неважно это сейчас. Богам слава – закончились все хорошо. – Пыталась говорить степенно, убедительно.

Надеясь скрыть лукавство – постаралась перевести разговор в другое русло, сказав первое, что пришло на ум:

– А как ты думаешь, сильно страдает без уха Алкун? Рана вроде не серьезная, но, наверно, болючая.

Лутоня ошалел от такого невместного вопроса, брови собрались домиком:

– Сам во всем виноват! Не надо было кабаном переть на тебя! Потом еще и за ножик хвататься! Пусть радуется, что только уха лишился. Если – бы ты не спешила при метании, то не промазала! Довелось бы мне схлестнуться – нож точно в середине груди у него торчал! Рука у меня на бросок вельми настроена! – Ольга на его речь хитро улыбнулась:

– Как получилось – так и случилось. Будет время свободное, может и меня, меткости, наставишь. Отец всегда говорит: век живи – век учись!

Лутоня от таких лестных слов, вроде как выше ростом стал, плечи расправил:

– Да это мы запросто! Только скажи! Секреты, какие знаю, без утайки поведаю. Я много что умею: наставником у меня сам сотник Симак, а он воин знатный!

– Вот и славно, благодарна тебе наперед! – и добавила, понизив голос: – Только я не спешила и вовсе не промазала!

Заметив, что разговор у отца, закончился и он машет ей рукой – кивнув Лутони, направилась к нему. Молодой гридь, с открытым ртом, проводил её очами.

И вот тут его осенило: лукавством своим, она спасла его от позора, отказавшись яриться с ним! И ухо Алкуну срубила не случайно: могла поразить смертельным броском, но посчитала, что тяжесть наказание за непотребство в поединке, не отвечает его проступку!

В душе бушевала буря. Кто она такая, что бы одного миловать, а другого карать? Была и досада: совсем недавно отказывался от противоборства с девицей, а теперь ей же готов петь хвалебную песню за то, что она для боя выбрала другого.

И самое главное: как теперь оценивать боевое мастерство дружинников? После того, когда увидели малую крупницу того, чем обладает, ещё вчера никому не известная отроковица.

12

Домой отец и дочь возвращались молча. Уже войдя в ворота подворья, Икутар промолвил, глядя в землю:

– Ты знаешь Ольга, я начинаю опасаться твоих успехов. Хотя знаю, что ты их заслужила старанием в учебе и пролитым потом. Но слишком они громкие! Даже от их эха, уши закладывает.

После них, на тебя окружающий люд, как на героя сказаний зрит! Выделяя из всех и водружая тебя над собой. Слов нет, сладко людскую молву про себя слушать, преданные очи соплеменников вокруг зреть. Но ты должна запомнить на всю жизнь: кому больше дано – с того спрос вдвойне! Всеобщее обожание и доверие – тяжкий груз и так вышло, что ты уже взвалила его на свои плечи. Сбросить теперь не удастся! Особых заслуг у тебя перед родом пока нет, да и быть не может. По твоему малолетству. Выходит, все, чем тебя наш народ наделил, отпущено впрок, наперед. И судьба твоя отныне – отрабатывать долг перед богами, перед родом – про собственное бытие забыв. Знай, что даже случайной ошибки, малой слабости – не простят тебе вчерашние обожатели. Надейся только на себя, на воинское братство и родных тебе людей!

Ольга выслушала внимательно, но что ответить, не нашлась. Утренняя победа уже не грела душу. Ликование дружины, по её поводу, не радовало.

– Завтра, по утру, Михей за нами будет: на Сивков луг отправимся. Не забудь напомнить Домне, что бы корзину, с харчами, собрала. А я к Микрохе наведаюсь, ерофеичем угощусь.

Утро выдалось пригожим. Трава на подворье, казалась сплошь усыпанной крупными алмазами от обильной росы. Ярила только показал краешек над лесом, как у ворот объявился старшина, верхом на своем гнедом. Рядом, на сером в яблоках, красовался Симак. Следом, в пристяжи, седланные: дружинный жеребец Немтыря и пятилетняя кобылка для Найдены. После взаимных приветствий, Михей подвел гнедую кобылу к вчерашней героине, потрепал ласково по шее и протянул уздечку:

– Вот, знакомься: кличут её Сота. Нрав имеет мирный, Ход держит плавный, ко сну располагающий! Думаю – подружитесь.

Ольга с опаской провела рукой по шелковистой, чесаной гриве и протянула заранее приготовленное, по совету отца, угощение: краюху каравая густо посыпанного солью. Гнедая осторожно, бархатными губами, подобрала с длани еще теплый хлеб и довольно всхрапнула: вельми понравилось!

– Ну что, трогаем благословясь? Немтырь, помоги дочке в седло забраться!

Но отроковица замахала головой: сама попробую! Взяв уздечку и, согнув в колене, высоко подняла левую ногу, как – бы нащупываю ступеньку для опоры. Ступеньки не было, но опорой послужила, вовремя подставленная под стопу, рука Икутара. И она птицей взлетела в седло. Михей удивленно крикнул, Симак присвистнул. Приняв у Домны котомку с харчами – тронули шагом лошадей. В голове малого отряда – старшина, за ним Ольга; по бокам от неё – Симак с отцом.

В пути почти не разговаривали: наездница привыкала к новым радостям, Михей свою старшинскую думу думал. Симак, ехавший по правую руку, старался привлечь внимание Найдены, искусным подражанием голосам луговых птах. Отец следил за успехами дочери в седле.

Ехать решили по берегу Ратыни. Путь, конечно, длиннее, но за – то, есть возможность лишний раз секреты осмотреть.

По времени выезд не загадывали: как сложится, так и сложится. Вяхирю наказано: в случае необходимости возвращения их в Игрицу – сигнал даст дымом костра.

В секретах было спокойно: вражьи дозоры на порубежной стороне не зрели. Вестей от следопытов, которые находились на землях секуртов, пока не поступало. Шестой дозор доложил, что по – утру наблюдал двух русалок, которые плескались возле берега в теплой воде. Своего присутствия гридни выказывать не стали. Нарезвившись вдоволь, речные дивы ушли на глубину, перед этим наставив на сидящих в секрете голые задницы, для их детального обозрения.

До девятого секрета добрались когда Ярила прошел почти половину своего дневного пути. У них то же было без происшествий. Вместе с дозорными справили дневную трапезу припасами, захваченными из дома. После короткого отдыха, двинулись в сторону Сивкина луга.

Не раз, ранее слышав, историю своего появления в землях Речных Ласточек – Ольга испытывала сильное волнение, приближаясь к сакральному для неё месту. Память молчала, но в душе теплилась, пусть малая, а все – таки надежда, что посещение луга – даст ответ на тайну её рождения.

Первым теперь ехал Икутар: часто останавливаясь, он внимательно оглядывал окрестности:

– Где-то здесь. Точнее определить не могу. За столько лет здесь многое изменилось: в то время не было никаких кустов – только высокая трава. Я скакал вот от той балки. Протянул руку в сторону полосы выросшего, густого орешника, почти ровной линией рассекавшей луг.

– Примерно на пол – пути до берега, я её случайно и заметил. К тому времени было уже светло, но увидел я её перед собой только в десятке шагов! И только благодаря тому, что конь заржал и в сторону шархнул. Трава малышку по грудь скрывала. Отсюда поиск надо начинать!

Спешились. Лошадей, не расседывая, отпустили в сочную густоту луга. Распоряжался, как тому и положено, старшина. Каждому было указано направление, по которому надо проводить досмотр. Найти надо то, что казалось необычным для места. Как проводить досмотр на земле – знали все, кроме Найдены, но и ей наскоро объяснили основы мудреного искусства. При находке чего – либо случайного, сигнал для общего сбора – двукратный разбойничий посвист.

Ярила, готовился закончить свой дневной путь, а результатов все не было. Густая, высокая трава надежно укрывала землю. Приходилось, чуть ли не на коленях, выискивать следы появления ребенка на лугу.

Заливистый двойной свист донесся со стороны, куда направился Симак. Пометив места, где приостановлен поиск – трое направилась на сигнал. Сотник стоял, наполовину выступая, из зеленого моря и призывно махал им рукой.

Находка была интересной, и выглядела инородной для этого места. Клочок земли, на который наткнулся везунчик, круг размером в шесть аршин (аршин – 0,71см) – напроць был лишен растительности и был покрыт серо – зеленым, ноздреватым налетом. Больше всего это походило, если не обращать внимание на цвет, на верхушку каравая или на шляпку громадного гриба. Только была совершенно плоской. В молчании, все четверо, какое – то время разглядывали странное образование. Среди густой травы лысый пятак выглядел дико и притягивал взгляд. Первым опомнился старшина:

– И что же это за блин и кто его здесь пек? – нагнулся и провел по шляпке перстами:

– Кость напоминает, или засохшую в давние времена, глину: – вынул из ножен боевой нож и стал ковырять землю возле кромки диска.

– Толщины в нем четыре вершка (вершок – 4,45см), не больше. Края в наплывах и не ровные. Такие бывают, когда нагретый воск растечется. А ну навалились на него скопом – надо его перевернуть: поглядим, что под ним прячется!

Перевернуть блин не составило большего труда: вес он имел подъемный, а вот под ним, кроме бурой золы, ничего не было. Зола – это прогоревшая земля, сразу догадались искатели.

Симак мечом ткнул в бурое пятно. Тот, как в масло, провалился по самую рукоять. К лезвию зола не пристала. Михей озадачено поскреб затылок:

– Это какой же жар надо было развести под днищем, чтобы на такую глубину земля в пыль выгорела! Да и жег он невместно: под ним сплошная гарь, а на перст от него – обычный луговой чернозем. Надо отколоть от этой шляпы кусок. Дома, по свободе, ближе познакомимся. Кузнецам покажем – может они, что раскумекают. Сотник, займись делом!

Легко было сказать – трудно сделать: тяжелый меч с жалобным звоном отскакивал от плоской поверхности не оставляя на ней ни малейшей царапины! Симак вспотел, пробуя на крепость найденное блюдо. Рубил с одной стороны. Переворачивал, и со всей дури, снова опускал клинок. Результата не было, если не считать того, что булатный меч начал терять изначальную остроту. Сотник, не веря очам своим, распался. И неизвестно чем закончился поединок меча с находкой, если бы его не остановил старшина:

– Оставь это пустое занятие, отступись! Чуешь, булат даже искры высечь не может! А так не бывает, когда железо с железом в рубке встречаются! Не для нашей силы и ума сия загадка! Пришлю обозную телегу, перевезем его целиком на подворье – там и мудрить будем. А пока давай вокруг этого места еще осмотримся. Может, есть вокруг, что – то более понятное.

Дальнейшие поиски результатов не дали. На ночлег решили не возвращаться в реке, а остаться прямо здесь: подстилка из травы мягкая, да и комаров меньше чем у воды. Стренили лошадей и стали готовиться к вечеру.

Застелили на примятой площадке холстину и достали домашние припасы. Пока с этой женской обязанностью справлялась Ольга – мужчины сидели в сторонке и обсуждали дневные новины. Все сходились на том, что съездили не впустую, но радости в том мало: находка ясности не внесла, а загадок добавила.

Михей предложил по утру наведаться в Лукмышский лес. Может там обнаружится что интересное. Не зря же Найдена смотрела так заворожено в его сторону, что даже приближения Немтыря не заметила! Возражений не последовало.

Мужской совет прервала отроковица, закончив с приготовлением к трапезе. Порезала каравай и вареное мясо поросенка, выставила целиком жаренного тетерева, большую миску соленых рыжиков. Копченого, фунта на четыре (фунт – 410г), угря. Домнины пирожки с зайчатиной. Молодой травный (майский) лук и флягу со сладким взваром. Старшина, покопавшись в своей седельной сумке, добавил полу – штоф ерофеича (штоф – 1,23л) и три шкалика.

Трапезничали не спеша. Отсутствием аппетита, на свежем воздухе, не страдали. Найдена запивала еду взваром, мужчины налегали на ерофеича. Когда с едой было покончено – на луг опустились голубые сумерки. Костер палить было не из чего, поэтому ко сну готовились почти в темноте. Каждый нарезал себе подстилку из душистой травы, под головы подложили седла. Получилось совсем не плохо.

Мужчины укрывались походными плащами, Ольга – подаренной Домной, накидкой из козьей шерсти. Воительница, уставшая от непривычки к седлу, сдалась первой, погрузившись в глубокий сон без сновидений.

Пробуждение её было легким. За ночь отдохнувшее тело, забыв о вчерашней усталости, было полно свежими силами. Настроение, в ожидании новых приключений – безоблачно радостным.

Проснувшиеся чуть раньше мужчины, седлали лошадей. Она сначала умылась, обильно выпавшей за ночь росой и только после этого понесла седло, к заржавшей при её приближении, кобылке. Сота потянулась губами к руке и получила, заготовленную с вечера, краюху с солью.

До леса было верст шесть, поэтому с завтраком решили повременить до прибытия на место. Тщательно укрыли диск среди травы, запоминая приметы, по которым будут его отыс-

кивать, наряженные для перевозки на подворье гридни. Тем – же строем двинулись к не далекому лесу.

Бесполезность поисков они ощутили почти сразу, как оказались среди вековых тридцатисаженных сосен. Бору ни конца, ни края, видно не было. Копыта лошадей неслышно ступали по толстой подушке из павшей хвои и шишек. Видимость – на полверсты.

В какую сторону ехать, как далеко от опушки искать и что искать? Неизвестно! Ехали куда очи глядят, дышали густым хвойным ароматом, слушали пение птиц, скрытых высоко в кронах и дробный перестук дятлов.

– Эх, жаль, что Нилина бобровническая представилась, никому свой дар ведуньи не передав! – Симак смахнул выступивший на челе пот: под кронами сосен, отсутствовал даже малейший ветерок и было душно.

– Поговаривают, она у здешнего лешего товаркой была! А он все, что в его владения твориться, в мельчайших подробностях понимает, вот бы кого сейчас спросить!

– В ответ проворчал Михай:

– Попридержи язык, сотник: не поминай нежить всеу! А то три дня будем назад дорогу на луг искать! Вспомни, скольких людей лесной хозяин по – кругу водил! Беду накликаешь легко – выбираться из неё трудно.

Хотя по разному бывает. Вяхирь мне сказывал: случилось ему пробираться через темный лес, когда он из полона секуртов бежал. Не особо дремучий, но часто на пути попадались непролазные заросли осины и орешника.

Вроде и в лесу он не впервой, а вот заплутал. Направление на Ратынь из головы выпало. Тучи плотные, светила не видно, в какую сторону идти – не ведомо. Ходил, бродил – из последних сил выбился.

Вдруг заметил сороку, которая своим чи – чи – чи, чи – чи – чи – внимание к себе привлекала. Показалось ему, что неспроста это!

Сорока сажень на двадцать отлетела и опять: чи – чи – чи. Пошел за ней и вскоре лес закончился, а сорока, как он вышел на опушку, – по своим делам улетела. Понятно ему стало: лешак сжалился! Вот оно, как иногда в жизни бывает: не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Остановил коня, обернулся:

– Ну что, воротим назад? Видится мне, что здесь наш поиск впустую. К вечеру, с благословения нашего защитника Перуна, и до дома доберемся!

Возразить было нечего: в таком огромном лесу найти что – либо интересное, можно, только если точно знаешь место, где искать.

Развернулись и по своим же следам, потянулись обратно: надежда на удачу улетучилась.

Сквозь красноватые стволы сосен уже проглядывался знакомый луг – как забеспокоились кони. Заплясали ногами, начали пофыркивать и вдобавок, Ольга ощутила холодок на персте. Видя, что спутники подобрались, насторожились – помянуть о перстне не стала.

Причина волнения объявилась чуть в стороне от направления пути, по которому следовали путники. Под битой молнией сосной, сидел старик с рыжей спутанной бородой в медвежьей дохе, мехом наружу. У его ног прилегла, положив голову на вытянутые лапы, крупная старая волчица. Михай потянул повод, направляя своего гнедого к загадочному дедку. Лошади, чуя волчий дух – заартачились, желая обогнуть нежданную встречу стороной, но спокойствие седоков заставило их подчиниться.

Остановились, не доезжая сажени три до странной парочки, спешили и с интересом осмотрелись. На морщинистом, под цвет сосновой коры, лице старика – выделялся мясистый, красный нос уточкой. Из – под густых, кустистых бровей блестели ярко – синие очи; на голове – драная шапка из неизвестного меха. Кряхтя, старик поднялся навстречу. При туловище взрослого мужчины – он имел короткие ножки семилетнего отрока. При улыбке, открывались крупные, белые, молодые зубы:

– Здрaвы будьте гости! Это что за посольство в мой лес пожаловало, дозволения не спрашивая? – вопрос был звонкий, громкий и обращен был к Михею, признав в нем старшего: – Хотел уже обидеться, да имя мне дорогое – Нилина, услышал и решил повременить. Может не из любопытства, а поделом вместе с ней и обо мне поминали:

– И тебе долгих лет лесной хозяин! – старшина, да и остальные, уже поняли, с кем свел случай: – Не гневайся, на непрощенных заезжих! Мы бы рады были не нарушать гостевых законов, да спросить дозволения, сам нам не позволил. Не дал ты возможности зреть себя. Не будешь же кричать на все четыре стороны, что мы пришли с миром, да доброго отношения спрашивать!

– А зачем вам на меня глядеть, чай я не девица красная? Под елочку положили краюшку хлеба, да штоф ерофеича для деда Челака! Я и сам догадался бы, что гости ко мне со всем добром! Мельчает люд, старых истин не помнит, которых раньше малый отрок знал. – Леший вещал сварливо, но в очах мелькали озорные искорки.

– Ошибку свою признаем. Совершили её не по скупости или злобе – по незнанию. И конечно, исправим её тотчас! – Михей потянулся к переметным сумам.

– Да не спеши ты с гостинцами, как голый в баню. Вначале поведай, какая надобность была покойную Нилину и меня в своем разговоре помянуть? – Неожиданно вперед шагнула Ольга:

– Дозволь, дядька Михей, мне, как виновнице, самой лесному дедушке свою историю поведать! Негоже за вашими спинами укрываться!

Из – за моей судьбы затеяна поездка, мне и ответствовать! А что не так скажу или упущу из рассказа – вы поправите. – Лесовик одобрительно закивал головой:

– Одобряю дочка, что не робеешь в разговор старших вмешаться. Да и мне, старику, любезнее такую красавицу слушать, чем с таким же замшелым пеньком, как и я сам беседовать! – Кивнул в сторону старшины:

– Чего греха таить, давненько мне не доводилось с молодыми отроковицами задушевные беседы вести! Далече они от моей вотчины обитают, редко в моих лесах объявляются.

Поведай свою беду, может я чем подсобить сподоблюсь. Понравилась ты мне зело сразу! – Дед ухарски упер руки в бока и выпятил колесом грудь; Ольга, как – бы в смущении, долу опустила очи.

Пересказ истории появления на лугу Ольги – не занял много времени. Кое – что к нему добавил Икутар, кое – что сотник. Леший их не прерывал, вопросов не задавал. После окончания рассказа, повисло долгое молчание. Только, перебивая птичий гомон, насторожено всхрапывали лошади.

– А ведь не узнал я тебя, дочка, хотя, что уж тут удивляться, столько зим прошло с тех пор. Хорошо помню то утро, про которое вы сказывали: ни до него, ни после – похожего, в моем хозяйстве, отродясь не случалось.

В ту ночь я с русалина залива возвращался, где с речными девами, Нилину поминал. Уважали мы её, хоть и к нашей породе она не относилась. Внимательная была к нам, сердобольная.

Выпил я тогда медов изрядно, хмельной был зело. Когда земля загудела, я к Сивкиному лугу подходил. Самый короткий путь, до моего дома, через него пролегал. Помню – беспокойно мне стало. Страха ведь не ведаю: сам к лесной жути причислен.

До луга полверсты еще было, когда над головой зашумело и через миг, над землей, зеленый цветок расцвел, блеклый такой и сразу погас. Еще, через мгновение, такой же цветок далеко в лесу над деревьями высветился и тоже погас. Я направление запомнил и к первому месту шибче наметился. А как шибче: трава высокая, ноги заплетает! Да еще хмель из головы не выветрился!

Почти дошел, когда тебя на лугу заметил, а тут, вот этот с конями подоспел: – дедок кивнул на Икутара. – Подхватил её в седло – и к реке.

Потом только сообразил: мог же помешать – да все мед проклятый, разум затуманил! И в погоню не кинешься, какой я погонщик супротив лошадей?

Возле места, где ты стояла – жареную землю под чудной крышкой узрел. Вы, наверное, на неё тоже наткнулись.

А вот в лесу мне пришлось вельми попотеть, пока следы второго цветка нашлись. Место там красивое, изначальное: нога человека там еще не ступала. Горушка невеликая, рядом овражек с ключом, В этом овражке её бабки – прабабки и сама она – кивнул на волчицу – логово под корневищем упавшей лесины, отродясь века, держали. Потомство свое на ноги ставили.

На взлобке – четыре вековых сосны. Когда я туда вышел – стояли они голые, без единой хвоинки: вся на землю легла. А стволы зеленым светом отсвечивают, какой я в то утро наблюдал. Да, еще запах стоял, моему носу непривычный.

В логове трех волчат мертвых нашел, а она – опять кивнул в сторону волчицы – возле бочажка, как мертвая лежала: еле потом отходил. Когда оправилась, поведала мне, что было у неё четыре детеныша. Первенец, самый крупный и резвый, часто покидал овражек из любопытства, но всегда возвращался к семье.

Потом, через время, мы с ней ходили к тому месту; а вдруг живой остался и ждет её? Но возле логова узрели только следы пришлого, матерого самца. Всю округу обшарили, живность, там обитающую, опросили: все впустую.

А зим шесть назад, жалобы стали поступать от дичины: поселился в тех местах серый чужак – одинец, невместного роста и ярости. Все живое в округе разогнал, лес как не живой стоит. Даже птицы облетать его стороной стали.

Пришлось мне по первому снегу в путь собираться. Самого зверя не застал: ушел днями раньше из тех мест, а вот следы на снегу, мне довелось зреть! И судя по ним – немногим меньше он ростом и весом – молодого сохатого! С таким даже я встречаться не жаловал! А лежку он себе выбрал на месте старого логова волчицы.

И вот еще новина: не узнал я те четыре сосны, что в то утро пострадали. Каждая в стволе вельми толще стала! Иголки заново отрасли и длиной больше трех вершков стали. Во всем лесу таких не найти.

Вот и все мои знания я тебе, дочка, выложил. Если помог чем – рад! Узнаю что новое – донесу, а сейчас хотел бы поглядеть, чем вы меня угощать собрались! Лесовик заулыбался, показывая молодые зубы. Михей снова потянулся к переметным сумам.

Для возвращения использовали самый короткий путь. Ольга уже обвыкла в седле и легкая рысь, думать не мешала. А думы были невеселыми. Если до поездки, её появление на лугу, было просто загадкой, то теперь открылись такие подробности, такие тайны, что в их глубину заглядывать было страшно! Мысли мужчин текли в том же направлении. Больше всех волновался сотник. Поездка и общение с Найденной всколыхнула, казалось уже давно забытые воспоминания о тех давних временах, когда он мыслил стать приемным отцом отроковицы.

До Игрицы оставалось версты три, когда Ольга почувствовала холод на шуйце и через малое время увидела столб дыма со стороны сигнальной вышки. А через миг – сигнал узрели и остальные. Михей, пуская коня в галоп, скрипучим голосом пролаял:

– Нас зовут! Симак со мной! Вы, вдвоем, доберетесь сами – и сразу на подворье!

13

Новин было две и обе безрадостных.

Рано утром гридни во главе с десятником Орусом, прибывшие для смены караула приставленного к клети, где содержался Алкун – на входе обнаружили тело весельчака Навоя. В пробитой мечем на груди, кольчуге. В подклети лежал Путята, убитый ножом в шею. А в клети нашел смерть гридь Вторак, у которого голова смотрела за спину. Подняли по тревоге всю дружину. Но сыск не дал результатов: следов убийцы не обнаружили, в какой стороне искать беглеца – никто не знал. Дружинники ходили злые, хмурые и объявись сейчас Алкун – разорвали бы голыми руками.

Дознаватель посадника Стара, долго осматривал клеть, убиенных гридней и наконец, изрек истину, которую все уже знали. По его разумению, дело обстояло так: каким – то образом узник освободился от пут. Зазвал в клеть Вторака, где голыми руками свернул ему шею. Прихватив засапожный нож убитого, вышел в подклеть и метнул нож в Путяту. Разжившись его мечем – кинулся к выходу, а там столкнулся с Навоем и тот ничего не успел сделать для своей обороны. Картина зверства была всем ясна, но для поиска вора ничего не давала.

Наряженные для сыска гридни, разбившись на пятерки, по всему городищу осматривали все строения: избы, бани, хлева, погреба. Опрашивали жителей – но все впустую. К полудню, жуткая весть пришла от пятерки, отправленной на осмотр пристани. В левом её крыле, недалеко от стройки Корзуна, под причальным настилом – обнаружено тело отрока Осьмушки. Со следами удушения на шее.

Поначалу решили: вот он след Алкуна, но азарт охладил прибывший главный дознаватель Стара, узревший, что отпечатки перстов на шее несчастного, по размерам принадлежат человеку не богатырского сложения и силы. Внимательно приглядевшись, с заметкой дознавателя согласились все. Если – бы к тонкой шейке Осьмушки приложился беглец – то вид бы она имела совсем другой. Смертоубийств в Игрице не было долгие годы, а тут за одно утро сразу четыре!

Посоветовавшись со Старом, Вяхирь решил запалить сигнальный костер и дымом вызвать Михея в городище.

Дружинное подворье гудело, как растревоженное бортником, большое пчелиное дупло. Взад – вперед бегали, бряцая оружием, с напряженными лицами гридни У ворот толпились немногочисленные местные жители, Тревожно, на конюшнях, ржали лошади.

Старшина сидел под своим любимым навесом, оба сотника стояли поодаль. На отца с дочерью особого внимания не обращали. Они, чтобы не мешать своим присутствием общему настрою, в ожидании команд, заняли место на скамейке возле коновязи.

Вяхирь, чувствуя свою вину: – не углядел, не охранил, – стоял с опущенной головой. Симак, тихим голосом, что – то ему говорил, для убедительности сопровождая слова взмахами десницы.

Рык из – под навеса прервал их разговор и они заспешили на зов Михея. Через миг выскочили от него и бегом устремились к конюшням за лошадьми. Знать получили наказ к исполнению. Через малое время подошла очередь получить наставления Икутару с Ольгой.

Старшина имел вид разбуженного среди зимы медведя. Не говорил – рычал, не наставлял – приказывал:

– Вы, вдвоем, возвращаетесь на пристань. Не глупые, сами наверное догадались, что помимо явного убийцы, завелась у нас гнида тайная, коварная. И если с первым все ясно – поймать и в петлю на осину, то со вторым много темнее. Чует мой нос, затаилась у меня за пазухой

вражина, который при белом свете рядом с нами ходит и никто на него думать плохо не может. А в ночное время – самыми темными делами промышляет. Смерть мальчика на его совести.

Дружина будет сыском сбежавшего головореза заниматься, а тебе Немтырь, с дочкой, велю заняться погибелью Осьмушки. Опросите всех, кто к реке отношение имеет. Что видели и что знают родственники, трактирные, сам Микроха. Как отрок вел себя в последнее время, с кем общался. Одним словом, поиск гада – на вас. Чем больше будете знать об Осьмушке, тем быстрее врага обличим. Искать не жалея ни дня ни ночи. Какая помощь потребуется – донесите немедленно: всем, чем можем – поможем.

Начать решили с трактира Микрохи. Работал ведь покойник у него, на посылки отправляли оттуда, да и дворовая детвора с ним целый день общалась.

При подходе к постоялому двору разделились: Икутар отправился на допрос хозяина. Ольга – начала с помощников Осьмушки.

Звали младших посыльных, а чаще, младших дворников – Щука и Бажан. Обоим было по семь – восемь лет, оба шмыгали сопливыми носами и утирали их, не особо чистыми, в застарелых ципках, перстами. На вопросы отвечали, испугано косясь на воительницу. Молва, о её подвигах, не раз обсуждалась среди младших чад трактира. Но видя, что опасная гостя мордовать их не собирается – постепенно разговорились. Но ничего ценного сообщить не смогли.

Да, их начальник Осбмушка, часто отлучался на посылки постояльцев или хозяина. Но и сам бывало, пригрозив расправой за длинный язык, мог слинять на пристань по своим каким – то делам.

Да, тайнами между собой делились. Которых их в жизни было мало и тайнами они, по сути, не являлись. Так, мелкие секреты. Одна похвальба заинтересовала Ольгу. Два дня назад Осьмушка поведал помощникам, что собирается бросить посылки у Микрохи. Они с отцом купят лодку долбленку, много сетей и займутся рыбным промыслом. Откуда у отца возьмется деньга на лодку и сети, когда кроме Осьмушки, еще одиннадцать ртов на его шее – спросили они хвастуна? На что получили ответ: деньгу отцу даст именно сам Осьмушка. Где и как их взять он знает, но им, никогда секрет не откроет.

За день до гибели? Да, отлучался, как всегда! Последний раз на короткое время перед концом работы. Домой вместе с нами не пошел, сказал, что подождет хозяина: на утро задание получить надо.

Нет, до того, на утро задания получать не оставался. Хозяин того не требовал, а зачем? Он раньше всех встает, и уже с рассветом, челядь гоняет. Добавить к сказанному им нечего.

Опрос дворовых, дал еще меньше: отрок добросовестный, но сам – себе на уме. Последние дни, стал каким – то дерганым, забывчивым. Три дня тому, купцы послали его на торжище передать на словах приказчикам об изменениях в сроках торговли. Пока бежал на площадь – все забыл и так перевернул наказ, что купцы, на другой день, за головы хватались! Раньше за ним такого не числилось.

Деньгу любит, но не до подлой черты. На руку чист. Как – то купец из стольного города оставил в каморке, где ночевал, богато украшенный пояс, а сам уехал по – утру. Осьмушка обнаружил его, когда зашел вынести ночное ведро. Не сказав никому про находку – кинулся догонять обоз. Через три версты с гаком, настиг растяпу и вернул ему пояс. Об его поступке узнали только в следующий приезд купца. Микроха наградил его медной деньгой и в почет для других поставил.

Смирный хлопец, кулачных обид чурался, врагов не имел, да и откуда враги у двенадцатилетнего отрока? Все в один голос уверяли Ольгу, что это какая – то ошибка или случайность.

Отец, закончивший разговор с трактирщиком и освободившись раньше Ольги, сидел у ворот на скамейке, мирно беседуя с ночным охранником. Увидев дочку – попрощался за руку со стариком и пошел к ней на встречу. Ольга с ходу задала вопрос:

– Когда, дядька Микроха видел в последний раз Осьмушку? – Не задумываясь, Икутар ответил:

– Вчера после захода. Он возвращался с ледника, а тот ему попался на пути и направлялся на другую сторону пристани, Где его и нашли под настилом. А к его избе – путь обратный!

– Он что – ни будь спрашивал у дядьки, ну там, какие распоряжения будут на утро, или еще что?

– Точно – нет! Они вообще не говорили, иначе Микроха мне обязательно доложил.

Ольга подробно пересказала свои разговоры с дворовой челядью и поделилась своей тревогой насчет рыбного промысла и явной лжи, по поводу ожидания хозяина после окончания работы. Икутар в задумчивости почесал затылок:

– Кое – что интересное, на мой вид, ты вызнала: у меня новины пожиже. Микроха кажет, что седмицу назад, на постоялом дворе поселился заезжий торговый человек. Гость как гость: по – нашему глаголет бойко, живет тихо, хмельных напоев не требует. Не местных кровей: лицом черен, нос великий и с горбиной, борода коротко стрижена. А одеждой от нас не отличишь. Прибыл он с обозом из стольного Ивеля, но товаров с собой не завез. Все бы ничего, всякие торгаши на свете встречаются, но одну странность трактирщик подметил.

За седмицу, ни разу приезжий ни на пристань, ни на торговую площадь, наведаться не изволил. Безвылазно сидит в своей каморке и только по снестать в трактир три раза в день спускается. Иногда выходит за ворота и подолгу сидит один на скамейке. К нему в каморку никто не навевывается, за едой ни с кем словом не перекинется. Одним словом – нелюдимый без меры.

Но люди всякие бывают и в душу к ним лезть невместно: пусть себе живет. Платит же за все – исправно! Но позже, случайно выведал Микроха, что трижды приезжий гость посылал Осьмушку, с поручениями, на стройку хромого Корзуна. Что передавал посылной и кому – он не дознавался.

Ольга сразу прикинула: отрока нашли в саженях тридцати от нового подворья Корзуна, такое совпадение настораживало, но с отцом пока делиться не стала:

– Давай сделаем так: я наведуясь на стройку хромого, осмотрюсь там, а ты зайди на мытню к речникам и поговори с мастеровыми. Я, на обратном пути, если будет не поздно – наведуясь в семью Осьмушки. Очень меня интересует рыбный промысел.

– Согласен! Ты только осторожнее! Ни одна ладья сегодня от пристани не отчалила, ни один пеший или конный не покинул городище. Значит вурдалак здесь, среди нас притаился. На рожон не лезь зазря, дабы дров не наломать! – притянул за плечи к себе и поцеловал в волосы: – Да помогут тебе боги!

Ночь сегодня выдалась безлунная. С наступлением темноты ветер стих и только легкие волны с тихим плеском бились о сваи настила. От фонаря на сигнальной вышке, по черной речной воде, протянулась почти ровная световая дорожка. На многие голоса заливались портовые лягушки, в глубоких омутах слышался плеск, вышедших на ночную охоту здоровенных рыбин. Кое – где на ладьях, толстыми канатами привязанных к деревянным тумбам пристани, слышались негромкие разговоры, а на одной – протяжная, грустная песня на чужеземном языке.

До почти достроенного трактира Корзуна, было чуть меньше четверти версты. Икутар отправился в барак где проживали наемные мастеровые, а Ольга продолжала сидеть на скамейке у ворот постоялого двора Микрохи.

Во время разговора, почувствовала внезапный морозец на персте и решила задержаться. С недавних пор, она стала доверять предупреждениям (а как иначе понимать?) перстня Никомата и теперь ждала развития событий.

Долго ждать не пришлось: скрипнула калитка и темная фигура ступила на доски речного настила. Ольга мгновенно оказалась под скамейкой, на мягкой подстилке из подсолнечной шелухи. Фигура некоторое время оставалась неподвижной, только голова под глубокой

накидкой, поворачивалась из стороны в сторону. Убедившись, что все вокруг спокойно, незнакомец, беззвучно ступая, направился в направлении другого конца пристани. Куда и надо было воительнице.

Держался он, стремясь стать незаметным, речной стороны настила, поэтому ему приходилось постоянно пригибаться, минуя причальные канаты ладей. В темноте Ольга видела отлично: отпустила его шагов на пятьдесят и тенью двинулась следом. Через короткое время, фигура замерла у ладьи без мачты. Явный знак, что она находится под заботой ватаги речных мастеровых. О том, что на ней идет ремонт полным ходом – говорили штабеля досок и тюки пакли, сваленные поодаль.

Некоторое время незнакомец, чего – то ожидая, стоял неподвижно, затем по скрипучим сходням поднялся на борт. На корме коротко мигнула искра огнива и он, осторожно переступая через ремонтный хлам, пошел на вспышку. Навстречу выдвинулась такая же, закутанная в плащ фигура. Незнакомцы пожали друг – другу руки и о чем – то тихо заговорили.

Ольга, ни минуты не мешкая, как была в своей кожаной одежде – шагнула за пределы пристани и почти без всплеска ушла под воду. Беззвучно вынырнув под кормой, где вели разговоры подозрительные незнакомцы. Навострила уши, но услышала только конец их короткой беседы.

Тут же над головой застучали шаги: незнакомцы покидали ладью. Ольга рванулась к берегу: только бы не упустить! Не раздумывая, решила вести незнакомца с постоялого двора. Он ей показался более удобным для дознания. Немало усилий пришлось приложить, что бы вскарабкаться по осклизлым сваям на настил. На пристани увидела только незнакомца с трактира. Куда делся второй – было загадкой.

В сапогах хлюпала вода и Ольга, что бы ни вспугнуть дичь, поспешно от них освободилась. Неожиданно человек в накидке резко свернул с речного настила и малозаметной тропинкой, петляя между складами и лабазами, направилась к городищу. Холодный рассудок подсказал: до Игрицы допускать его нельзя. Перед городскими воротами, может затеряться в закоулках посада. Значит, брать его нужно немедленно. Перейдя на бег, не выпуская его из виду, по широкой дуге обогнала чужака и стала возле тропинки на его пути. Перст, явственно, чувствовал льдистый холод, а тело было готово к бою!

Незнакомец, заметив её шагов за десять, замедлил шаг, а в трех шагах и вовсе остановился:

– Ты кто, чего хочешь? – ответа не дождался.

– Пошел прочь с дороги, иначе кишки выпущу! – в деснице сверкнуло лезвие длинного клинка. Ответа опять не последовало. Горели из – под накидки от злобы очи. Скрипели от ярости зубы, но нападать чужак не спешил. Слишком непонятной для него была молчаливая фигура в мокрой одежде.

Стоять до бесконечности незнакомец не мог. Оставив осторожность, ринулся в атаку. Клинок выписывал замысловатые узоры, из горла раздался, леденящий кровь визг. Но противник не дрогнул. Вовремя развернул корпус в сторону, поймал разящую руку возле локтя, потянул на себя, лишая равновесия и точно впечатал колено в промежность. Дикая боль оборвала боевой визг, тело прошла судорога и на мгновение выключила сознание. Клинок, оставив длань – отлетел в сторону.

Поединок закончился не начавшись. Вырвав из портов чужака витой шнур, Ольга надежно скрутила ему на уровне локтей руки и только после этого, перевернула незнакомца на спину и стащила с лица накидку. Взору открылся крупный нос с горбинкой и коротко стриженная черная борода.

До ворот городища было не более чем полверсты, но добиралась до них парочка довольно долго. Пленник медленно переступал широко расставленными ногами, часто спотыкался, останавливался, переводя дух. Всячески показывал, что дальше он идти не в состоянии. Един-

ственное, что помогало продолжить путь – это легкое покалывание острием клинка части тела пониже спины. Что, с завидным постоянством Ольга, идущая позади пленника, и делала.

Главные ворота, куда направлялась воительница, были открыты настежь. Перед ними, в свете факела, возле лошадей стояли пятеро дружинников и внимательно слушали указания десятника. При появлении из темноты парочки – насторожились, руки потянулись к мечам:

– Это свои, всем спокойно: здесь Найдена! – звонким голосом предупредила Ольга: – Срочно поднимайте старшину и пошлите гонца за Немтырем!

Десятник, не перечая, отдал команду и двое гридней бросились её выполнять. Один развернул лошадь к воротам. Другой – направив коня к пристани, исчез в темноте. Кто – то из стражников ворот принес еще один факел. Стало светлее.

– А мы в разведку было собрались! – незнакомый воительнице десятник подошел к ней и пленнику вплотную. Внимательно, с любопытством оглядел, перепачканного в пыли, незнакомца со связанными руками:

– Стражники доложили дежурному сотнику, что в отдалении слышали какой – то шум, крики. Вот Симак и направил нас разобраться с непонятным. А тут вы появились! Где ты, Найдена, такого филина в ночи стреножила?

– Долго рассказывать – нам быстрее к дядьке Михею надо добраться. Пленник упал неудачно: ходит с трудом и в седле сидеть не сможет. Положите его поперек лошади и под конвоем отправьте для допроса, а я подожду здесь отца, он скоро тут будет, и с ним подъеду на подворье.

Десятник вновь отдал команду и к ним подвели две лошади. На одну поперек седла уложили чужака, другая осталась для Ольги. В ночи, со стороны пристани, уже слышался глухой конский топот. С помощью стражника воительница взобралась в седло и взгляделась в темноту, ожидая появления Икутара.

14

Войдя под навес – застали Михея, сидящим на лежанке. Рядом, на скамейке, сидели оба сотника. Возле коновязи трое гридней, с мечами наголо, стерегли связанного пленника. Поодаль, тихо меж собой переговариваясь, толпилось еще с десятков воинов. Позади навеса, в паре сажений, в специально вырытом углублении – горел костер, за которым присматривали младшие дружинники. Старшина, с нетерпением, кивнул вошедшим на вторую скамью:

– Сидайте, в ногах правды, говорят, нет. Мыслью, что результат сыска уже есть, раз мне связанного от вас доставили! По виду – в полон угадил, хоть увечный и попорченный, но матерый волчара. Понятно мне, кто его брал и к воротам доставил. Хвала тебе и моя благодарность, Найдена, за такой подарок.

Мы тут по верхам, на скорую руку, его обыскали и осмотрели. В одежде тайников нет, а вот на шийце, подмышкой – черного паука нашли! Очень примечательный знак! Такие, колют на коже секурты, особо ценным лазутчикам. Давай, рассказывай порядком. Что забудешь или упустишь – отец поправит. А там и мы приступим к спросу, пока гость тепленький.

Изменчивый свет от костра падал на лицо Ольги, плясал всполохами в её очах, делая её старше и мужественней. Волосы увязанные в косу, надо лбом и висками распушились и создавали мерцающий ореол вокруг головы. Завороженные таким видением и зрелой красотой, старшина и сотники не торопили её с отчетом. Икутар, с прямой спиной, в напряжении сидел рядом.

Не спеша и очень подробно, Ольга поведала события вчерашнего вечера и начала ночи. Слушали её очень внимательно, пытаясь не упустить ни одного слова и не прерывать рассказ. Дойдя до встречи неизвестных на ладье, она задумалась, стараясь до последнего слова, в точности вспомнить услышанное:

– Вынырнула я под днищем, когда они заканчивали разговор. Говорили очень тихо, но я разобрала последние слова. Сначала спросил пленник, потом я его узнала по голосу: «Что передать хану?» Неизвестный, тот, что ждал носатого на ладье, ответил: «Награду мою пусть передаст мелким серебром. Сроки и место переправы остаются прежними или будут еще меняться?» Ответ носатого: – Прежние. Если что изменится – тебе сообщат обычным путем и подтвердят птицей.

И еще: когда они над моей головой по ладье шли – мне показалось, что один из них делает короткий шаг. Так ходят хромые.

– Хромой! Это может быть отгадкой! – Михей встал с лежанки и стал прохаживаться по настилу:

– Дальше мне не очень интересно, как ты его треножила. А вот твои мысли, насчет хромого на пристани – мне сильно по душе: – обернулся к сотникам:

– Кто под приметы у нас подходит?

– Корзун, Первак, Асила: – не задумываясь, ответил Вяхирь. Храбр. – Добавил Симак.

– Вот этих срочно ко мне. Главное время не потерять! Повременим – много труднее правду сыскать будет! А сейчас – варнака в клеть. – Обернулся к отцу и дочери:

– Вам присутствовать при допросе не надо. Что выпытаем – утром доложу. Пока отдыхайте, заслужили! Не ожидал, что так быстро на след извергов выйдем!

Дознание семьи Осьмушки решили отложить до светлого времени. Получив добро от старшины – решили ехать на конях. Ольга подошла к лошади, предоставленную на воротах десятником и остановилась в задумчивости. Икутар предложил свою помощь взобраться в седло.

– Подожди отец, разве тебе не видно, что в сбруе строевого коня, малость, чего – то не хватает! Представь: по обе стороны седла, на крепких ремнях, свешиваются вот такие штуки: – она перстами рук изобразила форму:

– Подходишь, вставляешь в эту штуку ногу – и уже в седле! Думай дальше: ныне в бою, сидя в седле, устойчивость тела обеспечивается только крепостью ног, которыми ты сжимаешь конские бока. И чуть ты в рубке потерял равновесие – удержаться на крупе, почти невозможно. Нет опоры.

Еще! Не пробовала, но представляю – меткость стрельбы из лука на скаку, зависит от хода лошади. Седока мотает из стороны в сторону и вверх – вниз, какая уж тут точность? Мы же не степняки. Это они рождаются на лошади и умирают на ней. Она для них привычна, как нам скамья. По этой причине – нашим конникам лук почти без надобности. А с этими штуками привстал, имея опору, и за счет крепких ног – погасил неровности скачки. Что скажешь?

Икутар представил, сказанное дочерью наяву и не смог вымолвить ни слова. Это же переворот в ратном деле! Взял в зубы уздечку, поднялся во весь рост и стреляй себе, как – будто ты в пешем строю! И того более: выбить из седла воина, имеющего под ногами опору – далеко не всякий противник сможет!

Далее: боевая мощь конной лавы – вырастает многократно! На полном скаку конники, сблизившись с врагом, прицельно выпускают по десять – пятнадцать стрел, и, не снижая быстроты атаки – врезаются в оставшихся живыми, пеших или конных воинов!

Сто конных – тысяча стрел, самое малое. Пусть, только каждая десятая, найдет свою жертву и!

Голова кружилась от возможных результатов такой атаки! Возникло желание срочно повернуть лошадь и вернуться на подворье, но Икутар взял себя в руки. Поведать Михею возникшую у дочери мысль – одно; а показать придумку в деле – это совсем другое! В голове сложился план: немедленно ехать к кузнецу Милонечу и заказать ему штуки, придуманные Ольгой.

Следующий шаг! По их готовности, проверить новшество, посредством ускоренных верховых занятий вместе с дочерью. И лишь после этого – устроить показ результатов старшине и сотникам.

Сердце бешено колотилось от гордости за свою любимицу! Не имея слов, отец обнял, ждущую ответа на свою придумку Ольгу. Впервые в жизни поцеловал её в щеку. Она все поняла и от радости всхлипнула.

Утром, наскоро перекусив, воительница направилась на допрос семьи Осьмушки. Отец ускакал в дружину, наказав дочери, по окончании спора, явиться на михеевское подворье. Но прежде чем разъехаться – посетили кузню Милонеча. По рисункам отроковицы сделали заказ, договорившись вечером его забрать.

Осьмушкина семья ютилась в посадском жилище, которое жилищем назвать было трудно. Полуземлянка, полу изба из черных бревен разной толщины. Маленький участок земли, обнесенный хилым плетнем с десятком грядок репы, капусты и моркови.

Ольга вызнала, что из шестнадцати детей, народившихся в семье – осталось одиннадцать, а с потерей Осьмушки – десять. Трое – померли еще малыми. Два старших сына ушли на заработки в стольный город, да там и сгинули. Вестей от них два года неслышно. Ныне, старшей из детей, была большая грудной жабой, рябая Весёя. За ней, по возрасту, шел Осьмушка: значит кормилец. А это потеря для семьи великая!

Ольга стояла возле прорехи в плетне, которая заменяла калитку и смотрела, как чумазые, худые, мал – мала дети, копаются на грядках. Плоская женщина, высокого роста и широкая в кости, деревянным пестиком что – то толкла в ступе. Живой, надрывно кашляющий скелет,

сидел на чурбачке, прислонившись спиной к стене халупы. Это отец, сразу догадалась Ольга. На пришедшую, никто внимания не обращал.

От увиденного, за версту веяло неизмеримым горем. Сердце воительница гулко забилося от великой жалости, на глазах навернулись слезы. Не должен ТАК жить человек! Если родители прогневили богов – причем здесь дети, они за что несут наказание? Персты выгребли из потайного кармана горсть монет, оставшихся от оплаты заказа кузнецу:

– Это вам от Осьмушки! – вложила деньгу в черную длань матери и бегом выскочила за пределы ограды. За пределы горя и беды.

Сидя в седле, еще долго не могла успокоиться. Впервые в своей жизни она столкнулась с людской, непролазной безысходностью. Решила, что об этом надо поговорить с отцом и старшиной. Родители, после гибели единственного кормильца, детей не поднимут, нужна помощь общины.

На подворье, со вчерашнего дня, ничего не изменилось, разве что суеты стало меньше. Отец сидел со старшиной и первым сотником Вяхирем. Симак отсутствовал. Дружинники жадно разглядывали героиню прошедшей ночи. Ни для кого не было секретом, её заслуга в поимке лазутчика.

Судя по количеству гридней на площадке – второй сотник забрал с собой почти всех своих людей.

Первую новость она узнала, еще не доходя до навеса. Сегодня утром нашли посадского мужичка, который видел полуголого здоровяка с измазанным кровью лицом. Вельми обвешанный оружием, он пробирался на край посада, который выходит к ивельскому тракту. Старшина, для проверки новины, поднял по тревоге вторую сотню.

Часть, с тремя десятниками – на прочесывание восходной части посада. Вторую часть, во главе с Симакон, зная, что еще затемно на стольный град отправился торговый обоз – на его преследование и досмотр. Вестей пока от них не поступало.

Ольга, спросив дозволения и получив его, вошла под навес. Отец сразу узрел, что она чем – то расстроена, но спрашивать причину не стал. Михей предложил место, рядом с собой на топчане, протер рушником крупное, с красным бочком яблоко, протянул его отроковице:

– Погрызи, пока я про допрос вашей добычи буду сказывать. Последнее, из прошлогоднего урожая. Немтырь тоже пока не введении. Твоего приезда ждали.

Начну с хромых. Всех подняли с постелей, где они утренние сны досматривали. Каждый из них божится, что ночью ни с кем не встречались и своих коморок не покидали. Свидетелей того – ни у кого нет, кроме Асилы. Он почивал, прости мне дочка непотребность, с гулящей вдовушкой Дажкой. Она твердит, что заснули они только под утро, и её хахаль, все время был при ней и на виду. Можно – ли ей верить – вопрос!

Дознаватели Стара выяснили, что незаметно покинуть жилище могли только Корзун и Храбр. Первак на постое стоит у гончара Кия, тот на ночь отвязывает своего волкодава. Он вольно бегает на подворье и мимо него, незаметно не проскочишь.

У всех четверых осмотрели одежду и обувь – ничего необычного не обнаружили. Смола на портах и сапогах у всех, меньше – у Корзуна. Все живут по средствам и заработкам: исключение – Корзун. Где он берет деньгу на стройку – никто не знает. Сам про то молчит, а потратил он немалую сумму. Поговаривают, что большое богатство привез из стольного города, где столько времени пропадавал. Одним словом, предьявить им пока нечего. У меня, лично, сильное подозрение к погорельцу – трактирщику, но недоверие к делу не пришьешь. Приказал оставить погляд за каждым. Будем ждать вестей от дознавателей. По хромым – все! По – военному кратко и четко, старшина закончил свой доклад и перевел дух:

– Теперь о вашей добыче: Очень крепкий орешек оказался! Почти до рассвета запирался, ни как истину открывать не хотел. Мы по – всякому убеждали: и уговаривали, и грозили, и мощну предлагали – ни в какую! Улыбается сквозь оскал. Яйца – то всмятку!

Твердит свое: я, мол, не причем, ни с кем не встречался, шел себе в городище, что бы утренним обозом в стольный город отправиться, дела свои купеческие закончив. А перед воротами напал без предупреждения и объяснения, бешенный молодой разбойник, которому он ничего плохого не сделал. Что его пеленала воительница, он так и не понял. Паука под мышку – по молодости, по глупости наколол.

Пришлось пригласить для более откровенного разговора, двух мастеров, гораздых языки развязывать. Ну а те – не такие орехи раскалывали.! Через пол – часа запел купчишка не хуже того соловушки.

Вот, что поведал: на службе, особо доверенным лазутчиком, у хана Турана, он состоит уже, без малого, восемь зим. С заданием все знать об Игрице, у нас он уже четвертый раз. Добирался всегда окружным путем: водой до стольного Ивеля и только потом, с торговыми обозами, на земли Речных Ласточек.

В первые вылазки, на постой, становился у Бобровников в Бурте. И только в этот раз – у нас в городище, вернее, на пристани, у Микрохи. Встречался всегда с одним и тем же доверенным человеком хана. Только глубокой ночью и безлюдных местах.

Кто этот доносчик – сказать не может, потому что не знает. Лица не видел, так – как оно всегда было закрыто глубокой накидкой. Главная его примета: хром на одну ногу, но на какую – сказать затрудняется. После встречи, лазутчик всегда уходил первым, предатель – за ним. По звуку шагов, можно было понять, что у доносчика калечная нога, но не понятно, какая.

Сведения, что он приносил, в основном касались дружины, речных секретов. Много рассказывал о подготовки городищенских воев, поведения старшины и сотников. Все передавалось из уст в уши и запоминалось им дословно. И с лазутчиком, уходило на тот берег. Хан очень ценил сообщения этого хромого человека. Тот передал бесценные вести, перед прошлым походом на Бобровники.

Только трусость и слабая выучка в бою степных воинов, не позволила одержать блистательную победу над дружиной Игрицы и закрепиться на высоком берегу.

Платил хан, соглядатаю щедро, на серебро и золото не скупился, но и он отработывал задания сполна. Кстати, зовут лазутчика – Сухай. Хану он доводится двоюродным племянником. Хотя по возрасту Туран – всего на пять зим его старше.

Для связи с кукушкой, а именно так между собой дядя и племянник нарекли доносчика, всегда направляли только его, Сухая. В Игрицу он вез деньги и новое задание от хана. Назад – сведения, которые собрал хромой со времен прошлой встречи.

Вспоминает лазутчик, что шесть зим назад, его, ночью, к себе в шатер вызвал повелитель. Велел срочно отправляться в дальнее стойбище, где надо забрать чужака и доставить невредимым в становище Турана. Взяв с собой, пять десятков воинов из личной охраны хона – направился выполнять повеление. Стойбище находилось в двух конных переходах от белого шатра Турана, в сторону Ратыни. Прибыв на место, застали там незнакомца, закутанного в волчий тулуп так, что лица видно не было. Подведя к нему приготовленного коня, заметил, что гость, при ходьбе, заметно прихрамывает. На какую ногу – не помнит.

Два дня гостил чужак у хана и ни разу из шатра не показывался. На третий день, Сухая было велено доставить иноземца на берег Ратыни, в место куда укажет. В пути беречь его пуще собственной головы.

Расстались с ним в двух верстах, ниже по течению от Игрицы, за весь путь, он так ни разу, не открыл лицо. Слова не сказав при прощании – по льду, прихрамывая, устремился на другой берег. За спиной, поверх длинного до пят тулупа, была навьючена тяжелая котомка, поэтому хромота была сильнее заметна.

Тот – ли это был человек, с которым лазутчик в последующие годы встречался три раза – точно сказать он не может. Но после посещения шатра незнакомцем, шах, по весне, решился высадить большой отряд, в четыре сотни воинов, на земли Бобровников. В битве с нашей дружиной, они потеряли более сотни конников, Еще много голов, по указу Турана, полетело с отступивших на свой берег нукеров. Тех, кто был замечен в недостатке отваги, при битве с нашими гриднями!

На военном совете племен хана, было решено нанять, для обучения воинскому искусству степняков, лучших богатырей из холодных стран. И вот уже десять лун, за золото, три сотни лучших воинов хана, наставляют четверо рыжебородых уроженцев полных краев.

И вот что еще лазутчик поведал интересное. После Бобровников, он трижды виделся с нашим предателем, а перед этой встречей – почти три зимы не навещался на наш берег. И только в конце нынешней весны, хан заслал его к нам в городище.

Мне сразу подумалось, не в этом – ли причина, что мы три года сидим, как на иголках, ожидая пакости с их стороны, а её все нет?

Связь у них была только через личные встречи, а если их не было, то о чем это говорит? Может наш доносчик предстал перед богами или задумался о душе и перестал быть предателем? Видим, что нет: жива его душонка и светлеть перед соплеменниками она не собирается! – Михей перевел дух. Изрядно хлебнул из стоящего на столе кувшина и продолжил:

– Один напрашивается ответ: предателя в Игрице все это время не было! А если так, то я мыслю и второй ответ: Корзун! Его не было в Игрице, примерно те же сроки. Приехав, зачал большую стройку, а деньга на неё – нужна изрядная!

Мои догадки подтвердились после утреннего допроса, на котором лазутчик показал, что Осьмушку он посылал, именно к кабатчику! Сам возле предателя не хотел светиться. Поэтому использовал мальчишку. Передал в первый раз колиту с золотом, а в другие разы, через берег – договаривался о встрече. Уверен, что гибель Осьмушки – дело их рук. Пока эти вопросы ему не задавали, но мастера продолжают с ним работать. Думаю, что вскоре получим ответ и на этот вопрос. – Снова, переведя дух – закончил:

– И последняя новость: приходил рыбак с хутора. У него, в день побега Алкуна, с пристани пропала долбленка. Возле причала дознаватели сыскали следы сапог очень крупного размера. Думаю, что вор – это Алкун, и он ушел на тот берег. По реке сплавляться он не дурак: знает, что секреты не дремлют.

15

Милонич с заказом справился вовремя. Заказанные скобы получились на загляденье! Поверху были выкованы ушки для крепления ремней, днища подковок имели рубцы. Что – бы не скользили подошвы сапог. Поблагодарив кузнеца, решили заняться испытаниями завтра поутру. Чего откладывать в долгий ящик?

Дома, не спеша повечеряв, вышли на подворье и уселись на скамейке возле крыльца. Ольга поведала о своем посещении жилища Осьмушки:

– Понимаешь, отец, это не просто страшно – это очень страшно! Без помощи сторонних, без помощи общины, детей не поднять, вымрут они от нищеты и бедности. Их отец, а я слышала его кашель – не жилец! Одна мать, с такой оравой голопузой детворы, ни за что не справится. Думаю, что нам с тобой надо поговорить с дядьками Старом и Михеем о помощи им. Тем более, если окажется, что Осьмушка погиб от рук лазутчиков. – Икутар задумчиво кивал головой: дочь открывалась с новой стороны.

От дум и разговора их оторвал дробный перестук лошадиных копыт, который приближался к подворью. Ольга уже различила всадников:

– Гости к нам на ночь. Старшина и оба сотника, в пристяжке свободная лошадь. Видно, что – то случилось! – Икутар пошел открывать ворота.

Михей первым покинул седло, за ним спешили оба сотника. К лошади Симака был пристегнут гордость дружинных конюшен. Вороной по кличке Бутон.

Примечательна история его появления в Игрице. Через зиму, после бобровнической сечи, по личному указу державного князя Романа, за победу над секуртами – вороным заморским жеребенком, был пожалован старшина Игрицкой дружины, славный воин Михей, сын Рарога. Прибывшему с обозом жеребчику, от роду исполнилось всего полгода, но уже тогда он поразил дружину стремительностью бега, бойцовым характером, невероятной статью и красотой. Для строя ему еще было рано. Да и у старшины был своя любимая кобылка. Пятилетка Гита.

Решили просто: пусть подрастет, тогда и решим его судьбу. Отвели для княжеской награды просторный денник. Приставили к уходу за красавцем, дельного конюха – Слуда. Жеребца нарекли Бутоном. А за обучение и воспитание взялся сам Михей.

Через полторы зимы, жеребчик превратился в жеребца с мощной грудью и длинными крепкими ногами. Черные, блестящие грива и хвост ласкали очи не только заядлых лошадиников, но и вызывали восхищение у любого его увидевшего. Старшина, боясь испортить, своим немалым весом, стать вороного – так и не сел в седло своего любимчика. Перепоручил обучение конским воинским премудростям, тому же конюху Слуду. Который, за свою долгую службу, поставил в строй не один десяток лошадей.

Вот так и сложилась судьба Бутона, что к пяти годам, хозяина он пока не заимел. Иногда, за особые успехи в ратных учениях, младшим дружинникам позволяли, малое время, проскакать в седле по кругу на самой «черной молнии». Так стали величать Бутона гриди.

– Мы к вам по делу: – начал Михей, – Мои умельцы до самой задницы раскололи лазутчика. Вызнали и имя душегуба и причину такого злодейства! Поскольку надо спешить, что – бы свершить суд над предателем и убийцей, я буду коротко вещать:

– Осьмушка нечаянно проник в тайну посланца хана. Утром, зайдя в коморку Рашима, вынести ночное ведро, – углядел черного паука под мышкой, когда постоялец переодевал рубаху. Если бы отрок не поинтересовался у дядьки, что означает страшный рисунок – может, был бы и сейчас жив. А спросив – подписал себе смертный приговор.

Подумав, лазутчик понял, какую опасность представляет для них с Корзуном, любопытный отрок. Стоит ему проговориться о загадочном пауке друзьям – новина рано или поздно

дойдет до взрослых. А там и до дружинников, которые знают, что он значит. После этого, дознавателям не составит труда пройти по цепочке и выйти на изменника в своем роду.

Для начала, он взял слово с мальчишки, что он никому не расскажет об увиденном. Пообещав щедро наградить за молчание, вручив крупную серебряную денгу. Еще пять таких же, пообещал, что тот получит завтра, по отъезду постояльца домой, в стольный город.

Что бы снять с себя подозрения, которые могут возникнуть после пропажи посыльного, решил обезопасить себя, руками хромого трактирщика. Перед закатом, позвал к себе отрока, вручил ему завернутую в холстину бересту и велел снести её на стройку дядьке Корзуну.

На бересте был накарябан жирный крест. Увидев его – хромым должен был избавиться от посыльного, надежно спрятав труп ребенка. Корзун здешний, а значит, лучше знает, как это сделать.

Но на стройке, Осьмушка предателя не застал: он уехал с дровосеками на делянку, где заготавливали строительный лес. Чем на короткое время продлил себе жизнь.

Постоялец велел отнести посылку завтра, после заката солнца и вернуться в коморку для получения обещанного. Когда на другой вечер, посыльный за деньгой не явился – изверг понял, что Корзун с задачей справился. Что тот и подтвердил при ночной встрече.

Вот так, из страха двух нелюдей за свои шкуры, лишился жизни ни в чем не повинный кормилец семьи Осьмушка: – закончил свой рассказ старшина. Все замолчали, поминая убиенного. Икутар порывисто дышал, что выдавало крайнюю степень его ярости.

– И еще одна новина, но она касается только тебя, Найдена! Ты этого коня уже видела и знаешь, как его зовут и как прозвали: – кивнул на вороного.

– Отныне он – твой! Так мы порешили на совете с десятниками и сотниками. Конечно, сердце мое щемит от такого исхода! Привык я к нему, пусть не скакать, но наблюдать за его взрослением. Не дали мне боги сына, и на старости лет, заменял его мне он! Бутон – черная молния. Но все мои переживания уходят прочь, когда я понимаю, что не может такой адамант свою жизнь проводить в деннике! Его судьба – любить хозяина и выручать его в бою. Знаю, что отдаю его в надежные руки и этим все сказано. Береги его, дочка! – Голос старого Михея задрожал от волнения и он, поспешно, отвернулся.

Ольга осторожно приблизилась к нервно перебирающему ногами красавцу. Обратила внимание на новое седло. Оно было обычным, как и у всех гридней, но чьей – то умелой рукой было густо отделано мелкими серебряными звездочками. Бутон всхрипнул и скосил темно – фиолетовый глаз в её сторону.

Как бы знакомясь, легонько провела дланью по шелковистой гриве и вдруг, сама не ожидая такой нежности, обняла обеими руками за шею, прижалась щекой к теплой, чистой коже. Жеребец качнулся в сторону, снова всхрипнул, но тут – же успокоился. Повернул к ней шею и положил голову ей на плечо.

Заворожено на них смотрели четверо воинов, понимая, что это не просто знакомство! Это похоже на клятву: быть до конца жизни вместе. Так хотелось думать!

Спешили с лошадой, не доезжая до недостроенного постоялого двора, саженой сорок. При лунном свете, трехэтажный гостевой терем, выглядел хоромами княжеского дворца. На мощеном деревянными плахами подворье, было безлюдно. Постукивая в колотушки, вдоль недостроенного тына, бродили два ночных сторожа. Михей кивнул на них Вяхирию и тот, бесшумно, исчез в темноте.

Они точно знали, что хозяин ночует в пристройке, почти готового трактира и поэтому старались не поднимать заранее шума. Симак тенью скользнул к задней двери, Икутар перекрыл два окна, выходящих на задний двор. Старшина с воительницей поднялись в пристройку через главный вход. После сеней, проход перекрывала просторная горенка, где при свете

лучины, с кружками в руках, за столом сидели трое заросших дремучими бородами крупных мужиков при оружии. Узрев незнакомцев, двое схватились за ножи.

Ольга мгновенно нырнула вперед, мимо идущего первым, старшины. Перед собой выставила шест, длиной в сажень и толщиной в вершок. Помня наказ – никакого смертоубийства, несколькими взмахами необычного оружия, уложила на пол сначала одного, а затем, точным ударом в лоб – другого. Третий, самый высокий и толстый, выхватив меч и направив его в грудь старшине, рванулся навстречу. Звездочка, запущенная воительницей была быстрее: вонзившись в предплечье десницы – остановила его выпад. Меч, выпал из руки, став бесполезным куском железа. В коморку ворвался Вяхирь и в ней, сразу стало тесно:

– Где Корзун, глаголь как на духу, падаль! – страшным голосом заревел на высокого Михай. Ольга, не дожидаясь ответа толстяка, через узкий проем метнулась дальше по темному коридору. Темному – для всех, но не для неё: очи ясно все видели. Обнаруженная справа дверь, была заперта изнутри. Подоспевший Вяхирь попытался вынести её плечом, но толстый дуб напор выдержал.

Появился Икутар, он оттеснил их в сторону и рубанул мечем дерево, где по его разумению, находились запоры. Понадобилось не мене десяти ударов, пока удалось рассечь запорный засов и распахнуть дверь. На столе горела толстая сальная свеча, рядом стоял кувшин с узким горлом, глиняная кружка и тарелка с мясом. В столешницу был воткнут широкий боевой нож. На высоком топчане, возле стены, лежала впопыхах скомканное меховое покрывало. Возле изголовья – сапоги красной кожи. Спаленка была пуста!

– Ускользнул, змея подколодная, пока ты засов рубил! Вот только не понятно, как он смог? Окно в каморке узкое, ребенок не пролезет! Сквозь пол что – ли провалился?

Ольга отодвинула в сторону отца и прошла в дверь. За спиной, из горницы доносились шум борьбы и громкая брань – там Михай с Симаком вязали личную охрану хромого.

– Может ты и права насчет пола. Смотри сюда! – Икутар указал на квадратный люк, край которого проглядывался из – под сдвинутого в сторону домотканого половика. Поддев лезвием меча, с помощью Вяхиря, отбросили его в сторону. Под ним начинались деревянные ступени, ведущие во мрак подземного хода:

– погоди отец, пропусти меня вперед, я пойду первой. Не забыл? Я ведь в темноте вижу не хуже чем ясным днем!

Под землю спустились втроем: впереди Ольга, за ней Икутар, последним – Вяхирь. Ход был узким, на ширину плеч. Идти приходилось, на полусогнутых ногах, низко пригибаясь. В некоторых местах, на головы сыпалась земля. Было понятно, что работы по обустройству пути бегства, еще не закончены.

Примерно через двадцать сажений, кротовья нора, закончилась короткой, деревянной лестницей. Она выводила, через густой кустарник, к пристани на сваях, в два аршина длиной. Настил надежно укрывался, свисающими до воды, ветвями плакучих ив. В конце причала, на высоком колышке, висела ровно обрезанная веревка:

– Ушел душегуб! Здесь у него была припрятана долбленка для такого случая! Недооценили мы его осторожность, думали взять в постели тепленьким! А он такой конец своего предательства давно предвидел, и вельми хорошо подготовился. – Вяхирь скрипел зубами от ярости.

Под ивами, послышалось шевеление, и к ним присоединился, отряхивающий от земли бороду Михай:

– Я так понял, что мы упустили предателя и гнаться за ним – без пользы для дела! – Тройка угрюмо молчала.

– Моя вина, должен был я упредить все его хитрости! Надо было взять с собой два десятка гридней и перекрыть берег. Сейчас он бы исповедовался перед нами во всех смертных грехах. Видно старею, пора на покой!

– Не время, дядька Михей, сопли по бороде размазывать! Думай и принимай решение, как беглеца словить! Думаю, в первую очередь, надо оповестить соседей – пусть в три глаза смотрят. Еще: срочно отправить наших разведчиков – следопытов на тот берег на перехват, даже понимая, что они после рейда не отдохнули. Если им открыть, в чем нужда переправы на вражьи земли – поймут, и долг свой исполнят.

Самое главное: мы уверены, что хан подготовил новый удар по Игрице! Удар с привлечением более мощных сил, с другим боевым замыслом и с нукерами другой подготовки! А у нас нет никаких сведений ни о времени, ни о месте ожидаемого прорыва! Что бы обезопасить себя, если не успеем разгадать планы степняков, или наши разведчики не смогут вовремя засечь выдвижения воинов Турана, – надо срочно обращаться за помощью к державному князю. Что бы он отрядил под твою руку не менее сотни гридней из дружины стольного города.

Нам же, не дожидаясь княжеской поддержки, в ближайшее время провести военные игры с привлечением воев Игрицы, Бобровников и Армяков.

И последнее: прости меня Дядька Михей, что не по чину и возрасту со своими советами к умудренным и опытным воинам обращаюсь. Это мое видение обстановки. Я свои предложения вам не навязываю. Вы поступайте, как сами мыслите!

У обоих сотников, от удивления, языки чуть не отнялись! Пятнадцатилетняя отроковица, пусть и хорошо обученная боевому искусству, заговорила языком опытного воинского начальника! Самому старшине советы давать вздумала (признаваясь себе, что советы, в общем – то дельные)!

Икутар про себя улыбался: знали бы сотники, о её предложениях по конному лучному бою! Речь бы на весь день потеряли. А ведь, на следующей неделе, эти новшества своими глазами увидят!

Михей, не обращая внимания, на изумление Вяхиря и Симака, задумчиво скреб бороду:

– А ведь дело глаголет Найдена! Мои мысли где – то в той же стороне бродят. Хвалю, дочка, растешь не по дням, по часам! – казалось, что старшина улыбается, но в темноте этого не было видно:

– Сделаем так: Симак занимается полонянами. Сторожей, которых вязал Вяхирь – отпустить на все четыре стороны. Охранников – показать лекарю – и в клеть.

Вяхирь – готовит самого скорого десятника с его людьми, что бы завтра поутру, со всей быстротой, отправиться с донесением к князю, а я до рассвета обмозгую и подготовлю бересту с нашими предложениями.

Немтырь с дочкой на отдых, занимайтесь своими делами, пока я вас сам на службу не вызову. – Наклонился к уху воительницы:

– Рад я, что не ошибся, Бутона тебе отдавая!

16

Ранним утром отец с дочерью приступили к выполнению задуманного дополнения сбруи штукавинами, изготовленными кузнецом. Прочные, вершковой ширины четыре ремня из кожи буйвола, нашлись у шорника Багуты. Он же, дратвой, закрепил на каждой полосе кожи, через кованные петли по одной штукавине и приладил к седлам такие же петли для их крепления. По центру ремней, навертел дырочек, для изменения их длины под ногу седока. Все было готово к проверке ожиданий Ольги.

Икутар уже сидел в седле своего жеребца Вия, когда дочь, используя свою придумку – птицей взлетела на Бутона:

– Здорово! – выразил он свое одобрение: – Без этих штукавин, ты не так стремительно садишься в седло! – Ольга улыбнулась, довольная похвалой:

– Стремительно, говоришь? А давай назовем новшество в сбруе – стремянами от слова стремительно! Мне кажется, это название среди воинов приживется. – Икутар подумал и согласно кивнул головой.

Еще на пути к поляне, приступили к испытанию новшества. Пустив лошадей вскачь, приподнимались на полусогнутых ногах, на стремянах, Наклонялись телом от крупа лошади влево – вправо, меняя опору ног за счет нового приспособления. Не доезжая до поляны – достали луки.

Первая стрельба на полном скаку, показала, что надежды на успех есть. Из пяти стрел выпущенных Икутаром – в щит попали три. Пусть и с большим разбросом.

У дочери результаты были хуже, но она лукавила, отдавая первенство отцу. При желании, и её способностях управлять полетом стрелы – она могла бы их сделать неотличимыми от отца, а при необходимости – превзойти.

День, с короткими перерывами на отдых, прошел в изнурительных занятиях. Ольга заметила, что отец недоволен тем, что его результаты остаются почти неизменными. Кучность стрельбы не улучшается. Часто в тростниковых щитах оказываются по четыре стрелы из пяти, но не более. Поляна не совсем подходила для плотной стрельбы, слишком коротким был участок для разгона коня до последней черты, откуда еще можно пускать стрелы. За такое короткое время – успеваешь сделать не более пяти выстрелов. Тростниковая мишень была одна – и выполнять упражнение приходилось по очереди.

При очередной попытке Икутара, Ольга, сидя на своем Бутоне за чертой начала скачки лошади, решила внимательно отследить движение каждой, отцом выпущенной стрелы. И с радостью обнаружила, что их полет также подвластен ей, как если бы стреляла она сама. Все пять выстрелов угодили в круг на щите размером в большой арбуз. На место разбега, Икутар возвращался с довольной улыбкой на лице:

– Мне кажется, что еще пара дней таких занятий – и можно показывать новшество перед дружиной. И вот что еще: нужно придумать, как сократить время перезарядки лука. Слишком много тратится его на подготовку к стрельбе! Пять выстрелов еле успеваем сделать!

– Я уже обратила внимание. На этой площадке, мы с тобой, первую стрелу выпускаем на расстоянии от мишени примерно семидесяти саженей. Последняя, пятая, уходит – на пятидесяти. Если ближе – то всадник и лошадь становятся легкой добычей пеших лучников врага. Если начать обстрел раньше, ну скажем, с девяноста саженей – то наши гридни с такой дальности половину стрел загубят впустую.

Получается, что мы с тобой, невольно, выбрали самое правильное расстояние для начала и конца обстрела! Но надо понимать, что этот прием – только в бою против пешего строя и если наша конная лава, после последней выпущенной стрелы, может уйти в сторону.

Если такой возможности нет – придется разворачивать лошадей вспять, а это приблизит всадника еще на десять – пятнадцать сажень к лучникам, а с такой дальности, каждая их стрела найдет жертву! Выходит, кроме стрельбы на скаку, дружинников надо обучить новым способам боя в конном строю. Отдельно – против пешех. Отдельно – против конных.

Об увеличении количества выстрелов – надо думать серьезно. Куда переместить тул со стрелами. Как увеличить дальность прицельной стрельбы.

Следующий день выдался пасмурным и мокрым. Теплый ветер с востока гнал набухшие влагой облака, которые, временами, сбрасывали её на раскисшую землю. Выполнив несколько раз, вчерашние упражнения и убедившись, что результаты стрельбы не стали хуже – решили пожалеть себя и лошадей от сырости.

Ольга ехала по узкой тропинке, пропустив на несколько шагов вперед отца. До выезда из подлеска оставалось десятка три сажень, когда она почувствовала холодок от перстня. Тут же заржал жеребец Икутара и стал, как вкопанный. Бутон прядал ушами и пофыркивал, но остановился, только поравнявшись с товарищем.

Перегородив тропинку, шагах в десяти, перед ними стоял огромный волк. Не крупный, а именно огромный, размеры которого, даже представить наяву невозможно:

– Это что за страшилище к нам пожаловало? – Почти обычным голосом, повернувшись к дочери, спросил отец. Рука его потянулась к притороченному у седла луку:

– Спокойно, не делай резких движений! Он, по – моему, зла нам не желает. Если бы хотел напасть, то сделал бы это из зарослей, а не стоял на нашем пути. Мне кажется, что он ждал, когда мы на тропинке появимся.

Зверь чуть наклонил вбок громадную голову. Желтые глаза неотрывно смотрели на всадников. Пасть была приоткрыта, красный язык высовывался из – за невероятных размеров клыков. Казалось, что он улыбается.

На мгновение Ярила с любопытством выглянул между тучами и мокрая шерсть на великане заиграла серо – зеленым отливом. Волк присел на задние лапы и наклонил голову в другую сторону. Даже в таком положении, сидя, он в холке, не уступал ростом человеку!

– Мне кажется, что лесной хозяин нам недавно про него рассказывал, или про его батюшку. Волки так долго не живут! Этому по виду не более пяти – семи лет. Хотя кто его знает, может такие великаны до сорока лет здравствуют!

Конь под Икутаром нервно перебирал ногами. Бутон стоял вроде бы спокойно, но мышцы на шее и спине стали точно каменные. Ни отец, ни дочь не знали, что дальше предпринять. На всякий случай мужчина поступил, как ему и положено при опасности: освободил лук и протянул десницу к стреле. Волк поднялся с задних лап и глухо зарычал. По коже лошадей и людей побежали мурашки:

– Отец, не надо! Опусть лук, не трогай стрел! – Икутар подчинился. Волк присел обратно на задние ноги и высунул язык. И тут Ольга, неожиданно скользнула из седла на землю:

– Только спокойно! Он мне ничего плохого не сделает! Не успеет! Доверься мне отец!

С этими словами она сделала несколько шагов к зверю. Икутар чуть – было не бросился вслед за дочерью, но невероятным усилием воли, сдержал себя, а вот Бутон, мелким шагом двинулся за хозяйкой. И совсем неожиданно повел себя хищник: полностью лег на брюхо, низко опустил голову, и радостно повизгивая, словно малой щенок – быстро пополз навстречу Ольге! Встретились они в пяти шагах, от замершего в седле Икутара. Дочь встала перед волком на колени и осторожно опустила длань на выпуклый лоб великана. Даже через густую шерсть было заметно, как под шкурой зверя, волнами сокращаются могучие мышцы. Бутон стоял совсем рядом, и казалось, был полностью спокоен. Ольга просунула шуйцу под шею волка, а дланью десницы ласково гладила его между ушами:

– Отец, я ничего не понимаю в происходящем! Кто он? Откуда? Чего хочет, что с ним нам делать? Одно душой чувствую: все это – неспроста. С нами происходит что – то, чего мы пока не можем знать. Но со временем – все станет на свои места! А сейчас нам не стоит противиться судьбе. Уверена, что мы не оставим его в лесу и будем правы, если возьмем с собой.

Зверь смотрел на говорящую, и казалось, что все сказанное – он понял. Икутар был так поражен происходящим, что только развел в растерянности руками. Пусть будет, как она сказала!

Дальше ехали другим строем, который устраивал всех. Первая ехала дочка, Рядом с левой стороны, в ногу с Бутоном, высоко подняв голову, рысил волк. Следом, на возбужденном жеребце, в трех – четырех саженьях – отец.

При въезде на подворье, возле ворот, их приезд караулила хозяйка. Когда мимо, в двух локтях от неё, прошествовал огромный лесной зверь, она сначала села в грязь задом! Потом, сложив реки на груди, как у покойника и закатив глаза, легла на спину.

Двух ковшей холодной колодезной воды хватило, что бы привести Домну в сознание. Хозяйку усадили на скамейку возле крыльца, что бы она окончательно пришла в себя. Коней, предварительно, одев на них, торбы с овсом – Икутар привязал к перилам. Волка, Ольга уложила за баней, где он сам, в высокой траве, соорудил себе лежку.

Вечерю пришлось накрывать отроковице. Домна тряслась мелкой дрожью и скороговоркой молилась всем богам. Полностью успокоить хозяйку постояльцам, удалось с огромным трудом, только благодаря дару красноречия Ольги и лекарным умениям Икутара. Оставшаяся часть ночи – прошла спокойно.

Дожди, обильно поливавшие землю в течение трех дней – закончились. Рады были все: земледельцы – хорошему виду на урожай. Купцы – возможности продолжить свои торговые дела, сплаваясь без помех по реке. Дружинники – хорошей видимости в секретах и шансам остаться сухими, при караулах под открытым небом.

По просьбе Икутара и Ольги, на сегодня, старшина назначил полный сбор обеих сотен. С самого утра, подворье заполнили вооруженные гридни. О причинах сбора точных сведений не было. Кто говорил об общем построении для смотра на площади, кто – о новых учениях. Кто – о подготовке к встречи посольства из самого стольного города, во главе с тысяцким Ерофеем. Увидев, что в самом конце подворья установлены, дополнительно, десятка два новых тростниковых щитов, те гридни, что предсказывали о новых учениях – довольно потирали руки. На самом деле, для чего собрали все воинство Игрици – знали точно только два человека! Которые провели все три дня под дождем на поляне, готовясь показать дружине совершенно новые способы боевого поведения конного строя в сечи.

По команде Михея, обе сотни были построены таким образом, что бы каждый гриден мог видеть щиты для стрельбы из лука. Малая дружина заняла свое место на левом фланге. Ближе всех к мишеням оказалась первая сотня, дальше всех – молодые воины.

Перед пешим строем дружины, на коне появился старшина. Поднятой вверх десницей поприветствовал, стоящих и потребовал тишины:

– Моя речь к вам, боевые побратимы, будет короткой, потому что сам пока не ведаю, что мы с вами увидим! Наш проверенный воин Немтырь и его дочь, воительница Найдена, попросили меня собрать дружину. Для того, что бы мы оценили их новшество в конном бою. Смотреть всем во все очи! А после показа, каждый сможет высказать свое мнение: – и повернулся к воротам.

Икутар, в полном боевом снаряжении и Ольга, в своем кожаном обличии, на конях – находились в саженьях пятнадцати за воротами по улице. Размеры подворья не позволяли разогнать лошадей до рубежа стрельбы. Строй замер в ожидании чего – то необычного.

Получив отмашку на начало показа, отец и дочь (это узрели все), зачем – то взяли конские

уздечки в зубы. Лошади с места пошли в галоп. Почти вровень прошли ворота, далее, черная молния на пол – корпуса вырвался вперед.

Как же красиво выглядело это со стороны! Кони не скакали, они, казалось, парили над землей! При приближении к площади, оба всадника каким – то образом приподнялись над седлами, и тут же заработали их луки. На полном скаку, всадники, одну – за одной отправляли стрелы в сторону щитов. Присутствующих поразила скорость, с которой они вели стрельбу!

Саженой за пятьдесят, они как по команде, повернули коней влево и понеслись вдоль ряда мишеней. Успев сделать еще по паре выстрелов, прежде чем лошади вынесли их, через заранее сделанный проем в ограде на улицу. Не сбавляя скорости, всадники снова влетели в ворота и атака мишеней повторилась вновь. На третий круг они не пошли. Легкой рысцой выехали на площадь и, при гробовом молчании зрителей – покинули седла.

Строй гридней, на какое – то время, оцепенел. Каждый пытался осознать, что же он сейчас видел? При каком зрелище присутствовал? Затем раздался общий выдох сотен глоток. Не дожидаясь команды старшины и сотников – ровные шеренги воинов рассыпались и все устремились к мишеням.

Из щитов, извлекли, тридцать одну стрелу и только пять из них угодили за границы намалеванных кругов. При стрельбе на полном скаку и с такой дальности – результат поразительный! После жарких обсуждений увиденного, старшина с сотниками направился к отцу и дочери, которые так и стояли возле своих коней по центру площади. Их плотной толпой, тут же окружили галдящие дружинники:

– Ну и что это было? Такой конной атаки, мы отродясь, не видавали! Растволкуй нам убогим, как нам сие понимать? – Михей смотрел на Икутара.

– Не ко мне обращаешь вопрос, пусть отвечает дочь. Её придумка! – Гвалт стих, присутствующие обратили очи к Ольге:

– Растволковывать долго. Легче показать новшество, с помощью которого мы с отцом, за короткое время, смогли научиться прицельной стрельбе на скаку: – потянула за уздечку Бутона, разворачивая боком к старшине. Взяла в длань стремя и показала. Но не всем, кто стоял рядом:

– Вот и вся премудрость, которая нам с отцом помогла удивить тебя и гридней. Давай, дядька Михей, собери своих, доверенных людей и мы им откроем наши мысли.

17

Поздно ночью, из стольного града Ивеля, вернулся десятник Боевод со своими людьми. Посланный старшиной с донесением, о готовящемся нападении секуртов и просьбой оказать помощь силами княжеской дружины. А с утра жизнь в Игрице забурилась, как только – что сваренное пиво, от великой новины.

Через три седмицы ожидается посольство с самим державным князем Романом во главе. Свитой из думных бояр и других почетных граждан княжества! Охранный отряд будет возглавлять сам тысяцкий Ерофей! Всего ожидается гостей – не менее трех с половиной сотен!

Это все, Боевод, на словах передал. А для посадника и старшины доставил бересту, лично от державного князя, с указаниями. Надо сказать, что первый и единственный раз Роман посещал Игрицу четырнадцать лет назад. Когда почил его батюшка князь Благослав: – одиннадцатилетним юношей. С тех пор, больше не сподобился навеститься в свою вотчину. Вполне понятно, какой переполох вызвала у жителей городища, привезенная Боеводом весть.

Спозаранку, Михей уже был у посадника Стара, сильно испуганного поступившим известием. Старшина кое – что знал о причине, почему так встревожился посадник. Ни для кого не было секретом, что приличная доля сборов мытни (таможни) – остается в карманах у него и его служак. Что дополнительные поборы с купцов, от их торговли, полноводной рекой текут в закрома посадника. Немалая часть пошлин с населения Игрицы – не доходит до казны державного князя.

Народ городища не любил Стара, но учитывая умеренный голод власти до золота и серебра – до поры закрывал очи на их безобразия. Если этих убрать, то будет ли новые назначенцы стольного града, лучше? Князь далеко, а заменившие старых хапуг новые, еще более голодные псы – могут обобрать и до исподнего. Но в последние два года, аппетит старовских людей, здорово возрос.

А вот главного воинского начальника над землями рода, Береговые Ласточки уважали. Поборами не занимается, в стяжательстве – незамечен. А что, иногда, заставляет раскошиться самых богатых жителей городища, так – то идет на содержание дружины. Именно по этой причине, народ чаще со своими просьбами и бедами обращался к Михею. Надеюсь, и часто получая, помощь и поддержку.

Почти до заката обсуждали посадник и старшина берестяное послание князя. В силу своих возможностей, Михей взял на себя проживание в своих хоробах державного князя и размещение в шатрах, на подворье, воинов княжеской дружины. Все остальные тяготы: расселение остальной свиты, питание, зрелища для гостей – легли на Стара. С такими услугами тот умел справляться. Но когда он предложил использовать дружинников для наведения зримых красот и чистоты на улицах городища – старшина ответил решительным отказом:

– Уж этим ты сам займись! Годами навоз от подворий и изб не вывозил, теперь будь добр раскошешься на то, чем ты должен был заниматься каждую луну. Я же тебя не прошу привлечь народ на чистку конюшен и ремонт помещений, где дружина обитает! Я каждую седмицу ими занимался и там, на сегодня, работы всего ничего! Мне дружина нужна для более важных дел: её к битвам надо каждодневно готовить.

Для жителей Игрицы, поселений Бобровников и Армяков – наступили хлопотные дни. Но они были не в тягость для их поселенцев! Ведь каждый рад, видя как избы, дороги и прилегающие к ним земли, начинают принимать божеский вид. Соседи Ласточек напрягались меньше. Ведь вероятность, что и к ним пожалует державный князь – была крайне мала.

У Стара, особенную головную боль, вызывали посады, где ютились, осевшие пришельцы из других земель. Скрепя зубами, пришлось развязывать свою, туго набитую, мошну. Нанятые артели за десять дней сильно облегчили калиту посадника. Но результат их работы был на лицо:

трущобы исчезли. На их месте появилась обычная, для княжих земель, деревенька. Не хуже и не лучше, чем в других местах. Зато, стараниями Михея, Икутара и Ольги, на подворье семьи Осьмушки – выросла неказистая, но просторная и крепкая изба.

Ну а сотни, под приглядом и личном участии, Вяхиря и Симака, весь световой день, на выбранном недалеко от жилья Домны просторном лугу, усиленно осваивали, ранее неведомые премудрости конного боя. Малую дружину, с разрешения старшины, Ольга, взяла под свое крыло. Чему юные воины были несказанно рады. Она насчитывала двадцать шесть сыновей дружинных гридней в возрасте от десяти до пятнадцати лет. Младшим был Охлопка, сын дружинника Сазана, старшим – Лутоня, младший отрок десятника Балабана.

Никому из молодых воинов и в голову не приходила мысль возмутится, что какая – то девчонка, верховодит над будущими витязями. Видели её в поединке с Алкуном. Слышали, о её геройстве при поимке лазутчика! Знали, о её придумке нового конского боя! Таких заслуг не имели в дружине даже бородатые гридни!

Начать обучение своей юной армии, воительница решила со знакомства отроков с основами рукопашного боя. Три дня учила искусству, безопасного для тела, падения на твердую землю. Отроки и не думали возмутиться таким, казалось бы, бесполезным, занятием. Со всем рвением бросали друг – друга на утоптанную, до каменной твердости поверхность. На шишки и синяки никто внимания не обращал. По окончанию занятий – лично проверила результаты каждого бойца. Осталась недовольна и продлила его еще на два дня.

Перед вечером, оставляла командовать за себя Лутоню, и из любопытства, отправлялась на луг посмотреть результаты обучения взрослых воинов. Об их успехах говорили потные, но довольные лица сотников. И необходимость каждодневной замены тростника в щитах, измочаленных частым попаданием стрел.

На подворье, к месту вечери, обе сотни возвращались когда Ярила, почти заканчивал свой трудовой день. Но и после еды, заслуженный отдых не наступал. Гридни вооружались вилами, метлами и ведрами с известью. Чистили конюшни, мели подворье и пристройки, белили тын и стены, вывозили навоз и мусор.

Отдельная артель занималась установкой шатров и разбивкой лагеря, вдоль дальнего тына. Для дружинников тысяцкого Ерофея. Ближе к хозяйственным пристройкам – ставили новые коновязи и дополнительные поилки для лошадей. Нельзя сказать, что такая работа радовала уставших за день воинов, но все понимали, для кого и для чего она делается. Никто не роптал.

Утром, за два дня до прибытия посольства – вернулся с другого берега отряд усталых и злых разведчиков, страшно недовольных результатами поиска. Корзуна перехватить не удалось и секуртов в степи не обнаружили: от чего тут быть довольными?

Последний день перед прибытием державного князя, когда все работы по наведению красоты на подворье были закончены, – отдали гридням для отдыха. И для приведения себя и лошадей в порядок.

На закате, три десятка храбрых дружинников, во главе с Михеем и Старом, (оба в парадном одеянии) – отправились для встречи великого посольства. А уже под утро Вяхирь, оставшийся за старшину, с почтовым голубем получил весточку, что гостей надо встречать ближе к полдню.

Памятный день, о котором, впоследствии, будут вспоминать долгие годы, выдался солнечным и безветренным. Яркое синее небо было без единого облачка. В вышине стремительно, перечеркивая небесную синь, – гонялись за мошкаррой основатели их рода: береговые ласточки.

С самого утра Игрица пришла в движение. К Михеевскому подворью потянулись многочисленные семьи жителей городища и посадов. Шумной толпой они выстраивались вдоль дороги, по которой ожидалось прибытие княжеского посольства.

Почти все мужчины были при оружии и в легких панцирных кольчугах, женщины и дети – в ярких праздничных одеждах.

Приветствовать державного князя прибыли побратимы из соседних племен. Бобровников представлял сотник Смир с тридцатью конными, полностью, по – боевому, облаченными воями. Армяков – сотник Ратища, с таким же по счету и снаряжению воинством. Младшая дружина была немного разношерстно одета, но смотрелась вполне воинским строем.

Взволнованный, весь на нервах, Вяхирь усмотрел возникшую трудность: разместить такое воинство на подворье – не удастся! Ровных шеренг и рядов, на таком клочке земли, ни за что не построить! Бросился за советом к Симаку. Тот прикинул: три сотни конных, это с учетом соседей, и почти четыре сотни пеших гридницких воев – и согласился с товарищем. Необходимо менять план встречи, задуманный старшиной!

Кликнули Икутара с Ольгой. Военный совет четырех, совместно принял свое решение – строить воинство по обе стороны дороги! По правую руку в две шеренги конницу, по левую – пехоту. Не откладывая времени, приступили к торжественному построению.

Первым делом, отеснив баб и детишек, выстроили воев и молодую дружину Ольги. Одновременно, напротив, через дорогу, в шеренги выстраивалась конная дружина с гостями. Осмотрели, что получилось из совместной задумки – остались довольны. Не уместившиеся, празднично одетые жители Игрицы, стали занимать места за спинами воинов. У многих баб и ребятишек, в руках появились большие пучки луговых цветов.

– О боги! – Вяхирь хлопнул себя по лбу: – самое главное забыл! Найдена, быстро переодевайся в бабское платье покрасивее! Тебе каравай князю вручать! Прости, еще вчера хотел тебя упредить, да как – то из головы вылетело. Михей приказал!

– Я, и вручать каравай? Не быть тому! Не сдюжу! Не мое это дело! Пусть даже приказал старшина! И уговаривать меня не надо! За отказ – перед Михеем сама ответ держать буду. Мой совет: пробегите среди встречающих и отыщите деву помоложе, покрасивее и нарядно одетую. Она и будет встречать князя! А мое место – в строю молодой дружины. – Отвернула Бутона и направила к середине построения дружины:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.